

Кубанский огонь

Автор:

Николай Свечин

Кубанский огонь

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #26

В январе 1911 года в Новороссийске ограбили банк. Более десятка вооруженных налетчиков ворвались внутрь, убили городского, похитили крупную сумму денег и ушли в горы, отстреливаясь от погони. Схватить их не удалось. Однако агентура сыскного отделения Екатеринодара выяснила, что к ограблению причастен черкес Кайтлесов. Арестованный бандит дал очень необычные показания. Бандой руководит некий Варивода. На руках у атамана имеется загадочное оружие – «Кубанский огонь», которое выстреливает зажигательные бомбы на большое расстояние. С помощью этого оружия Варивода планирует какой-то страшный теракт в столице Кубанской области. Опасность угрожает всему Екатеринодару...

Николай Свечин

Кубанский огонь

Автор выражает признательность Сергею Иванову и Михаилу Попенко (корпорация «Девелопмент-Юг») за содействие и за саму идею послать Лыкова в Екатеринодар.

Автор благодарит также Игоря Сирица и Андрея Ступаченко за ценные консультации.

Глава 1

Выстрелы в Новороссийске и что за этим последовало...

Тридцатого января 1911 года Новороссийское отделение Русского для внешней торговли банка подверглось дерзкому нападению. Ровно в двенадцать часов внутрь с улицы зашли двумя группами несколько человек. Очевидцы потом спорили, сколько их было – не то десять, не то пятнадцать. Короче говоря, бандитов явилось много. Они были одеты в длинные черные балахоны, под которыми спрятали карабины. Городовой Димитрюк, что стоял на входе, заподозрил неладное и попытался их остановить. Его тут же убили... Нападавшие ворвались в помещение и открыли беспорядочную стрельбу. Кассир-артельщик получил легкое ранение в ногу, а управляющий – смертельное в пах (к вечеру он скончался в больнице). Посетители и работники банка не посмели сопротивляться такой орде вооруженных бандитов и безропотно отдали им деньги, включая содержимое карманов. Налетчики перерезали телефонные провода, обчистили кассу и всей толпой вышли наружу. К тому времени служащие соседних контор уже почуяли неладное и телефонировали в полицию. Но та почему-то замешкалась. Бандиты в черных балахонах колонной двинулись по улице, держа карабины наперевес и стреляя во все живое. Поднялась паника, люди разбегались кто куда, женщины кричали и падали в обморок. Повсюду раздавался звон разбитых стекол, ржали раненые лошади, над городом стоял дикий вой. Четверо прохожих получили ранения разной степени тяжести. Никем не преследуемые, рассыпая вокруг себя свинец, негодяи добрались до нефтеперегонного завода. Они начали было подниматься вверх по склону горы Маркотх, отделяющей балку Адамовича от ущелья. Тут наконец подоспели конные стражники, и завязалась перестрелка. Двое бандитов упали раненные. Но остальные подхватили их на руки и ловко взобрались на гору. Конники остались дожидаться пехоту. Подошли гарнизонные солдаты и тоже полезли наверх. Однако время уже было упущено. Преследователи обнаружили на вершине брошенные черные балахоны и мешок с серебряной монетой. Серебра оказалось на триста двадцать семь рублей. Еще сорок пять тысяч бандиты унесли с собой. Двое погибших, пятеро раненых – таким стал кровавый итог невиданного по дерзости экса. Все налетчики благополучно скрылись от преследования.

Дознание по горячим следам не увенчалось успехом. Полиция арестовала троих подозреваемых, но всех их пришлось отпустить. Свидетели утверждали, что нападавшие были грузины. Затем они вспомнили, что в речи налетчиков звучали слова «ста-ка». По-армянски это означает «деньги есть». Значит, грабили армяне? Сыщики терялись в догадках, агентура молчала.

Новороссийск – столица Черноморской губернии, в 1896 году отделенной от Кубанской области. Длинная узкая полоса приморской земли тянется от Абрау до Гагр. Не губерния – смех... Свое сыскное отделение слабое, жандармское управление одно на двоих с соседями. Именно жандармы и не подкачали.

Агентура КОЖУ[1 - КОЖУ – Кубанское областное жандармское управление. (Здесь и далее примеч. авт.).] в Екатеринодаре получила приказ и быстро его отработала. Осведомитель «Оренбургский» сообщил, что в нападении на новороссийский банк участвовал житель селения Бжегокай черкес Цук Кайтлесов. И сейчас он лихо пропивает добычу в увеселительном саду «Аквариум», что на левом берегу Кубани напротив пристани Дицмана.

Жандармы немедленно сообщили о добытых сведениях начальнику Кубанской области генерал-лейтенанту Бабычу. Тот дал команду полицмейстеру Екатеринодара есаулу Захарову, а есаул поручил произвести арест начальнику сыскного отделения коллежскому асессору Пришельцеву.

Пришельцев решил лично задержать опасного туземца. И то сказать: штаты отделения ограничены, всего три надзирателя и четверо городских, особенно не разбежишься. Начальник взял самых боевых надзирателей – Ивана Жуковского и Степана Коржа. В последний момент к ним присоединился городской Вольский. Арестная команда явилась в увеселительное заведение вечером. В зимнем корпусе ресторана играл струнный оркестр, сидела подвыпившая публика, слышались смех и веселые крики. Как быть? Если налетчик станет стрелять, могут пострадать люди.

Пришельцев заслал внутрь Коржа, остальные сыщики спрятались за верандой. Надзиратель зашел, осмотрелся. И быстро обнаружил в углу стол, густо уставленный закусками и выпивкой, за которым расположились четверо черкесов. Ребята на вид были лихие, молодые и плечистые, все с кинжалами. Который из них Цук Кайтлесов? Вступятся ли за него трое других, когда начнется свара?

Корж с недовольной миной обошел зал, спросил полового:

– Савка заходил? Вечно здесь торчит.

– Не знаю такого, – буркнул служитель.

– Вот сатана, зелены очи! Навалю я ему духапелий, когда поймаю.

И надзиратель вышел обратно на улицу. Там состоялось совещание. Четверо против четверых. Но стол расположен удачно – слева дверь из подсобного помещения. Корж предложил выскочить оттуда и окружить туземцев. Пока они расчихаются, у каждого за спиной будет по сыщику. И револьверами сразу ткнуть в чепельник, чтобы напугать.

Пришельцев план утвердил, и операция началась. Сыскные проникли в кухню, осмотрели зал в щелку и ринулись туда. В одну секунду подозреваемые были окружены. Они ошарашенно вскочили, но их тут же усадили обратно. Один, ражий, с бельмом в глазу, схватился было за рукоять кинжала. Жуковский, отслуживший сверхсрочно в Пятом Кубанском пластунском батальоне, ощерился:

– Свистульку в башку хочешь? Дядя добрый, он может.

И парень с бельмом сразу отдернул руку. Уж больно зловеще выглядел надзиратель.

Коллежский асессор спросил:

– Кто из вас Кайтлесов?

– Ну я, – ответил ражий.

– А другие кто?

– Кунаки с Хатакуевского аула. А что такое? Мы сидим тихо, кушаем. Зачем налетели?

– Ты не догадываешься? А кто банк в Новороссийске взял?

– Какой еще банк? Ты меня там видел?

Жуковский тут же отвесил горцу затрещину и поправил:

– К господину начальнику сыскного отделения надо обращаться «ваше благородие».

Воспользовавшись замешательством арестованных, сыщики обезоружили и обыскали их. У Кайтлесова, помимо кинжала, отобрали наган.

– Разрешение есть?

– Дома оставил.

– Снимай архалук[2 - Архалук – иначе: бешмет.].

Там во внутреннем кармане лежала толстая пачка денег. Пришельцев пересчитал их – почти две тысячи.

– Твои?

– Ага. С нефтяных промыслов я пришел, всю зиму работал. Вот...

– Что «вот»? Там тысячи платят? Это новость. Кто такой щедрый? Фамилию добытчика назови.

Черкес замялся.

– Поехали на Борзиковскую. Корж, гони сюда два экипажа. И пусть рассчитаются, черти драные...

Сыщики доставили арестованных на угол Борзиковской и Дмитриевской, в городское управление полиции. Захаров вышел из кабинета, поглядел на них и

молча удалился. Закипела обычная работа: новеньких фотографировали, обмеряли по системе Бертильона, записывали особые приметы. Затем кунаков налетчика посадили в камеры временного содержания, разослали на них запросы соседям. К обеду следующего дня пришли ответы. Трое жителей Хатакуя ни в чем предосудительном оказались не замешаны. Пришельцев вызвал их всех вместе и сказал:

– Смотрите, вы у меня теперь на заметке. Еще раз поймаю в дурной компании – сядете надолго. Пошли вон отсюда, цуценята.

– У меня рубль отобрали, пусть вернут, – набычился один.

– На том свете угольками рассчитаемся. Отрежь полы и тикай!

Сыщики занялись арестованным всерьез. Коллежский ассессор уже приметил, что Цук напуган. При налете на банк погиб городской. С этого главный сыщик и начал:

– Ты знаешь, что за убийство правительственного служащего полагается виселица?

– Не знаю никакого служащего.

– А городской Димитрюк? Военно-полевые суды уже отменили, но военно-окружной никуда не делся. Он тебя и вздернет.

– Вы сначала докажите, – продолжил хорохориться Кайтлесов, но голос его дрогнул.

– Брешет и ногой не загребает, – обратился Пришельцев к помощникам. – Думает, мы тут дети малые, не соображаем. Дурака кусок! У тебя отобрали банковские билеты. На них есть номера – понимаешь?

Туземец молча покачал головой.

– У каждой купюры свой номер. Их записали, когда деньги прибыли в банк. И теперь эти финажки нашли в твоём кармане. Смекнул? Говорю же: виселица.

Если расскажешь мне прямо сейчас, как все было, и назовешь сообщников, выхлопочу тебе послабление. Получишь каторгу. Тоже, конечно, не повидло: у черта на куличках за скотом ухаживать, но хоть живой останешься.

В таком роде коллежский асессор запугивал арестованного три часа и в конце концов добился своего. Черкес дал признательные показания. Он рассказал следующее.

В шайке, ограбившей в Новороссийске банк, состояло четырнадцать человек. Большинство приехали из Тифлиса: пять грузин и пять армян, все тертые. Трое других были одноаульцы из Бжегокая – сам Цук и его приятели братья Сопошוקовы. А последний, четырнадцатый, атаман, оказался наиболее интересным. По словам Цука, он единственный из всех принадлежал к русской нации. Но по характеру хуже дикого абрека! Именно атаман застрелил городского и управляющего отделением. Он держал свою шайку в кулаке, велел не жалеть патронов, говорил, что люди – это гиль. Опасный, очень опасный; не дай Аллах в чем-то ему перечить. Кличка у атамана была – Варивода.

Тут сыщики встрепенулись. Они уже слышали о таком преступнике, есауле зловещей банды Полюндры. Эта банда терроризировала Кубанскую область весной и летом 1910 года. За четыре месяца она совершила в разных местах двадцать одно разбойное нападение. Двадцать пять человек были убиты или ранены. Командовал гайменниками беглый каторжник Степан Мащенко по кличке Полюндра. Он долго скрывался от полиции, а попался после убийства в Екатеринодаре семьи армянского торговца Саркисова. Тогда в своем доме были расстреляны муж, жена, пятилетний ребенок и прислуга. У дитя на шее была ладанка с молитвой – так принято у армян. Ладанку сорвали и вскрыли: нападавшие подумали, что в ней находился золотой крест. Эта деталь и подсказала Пришельцеву направление поисков. Сначала дознание полагало, что Саркисовых убили дашнаки за то, что торговец отказался дать денег на армянскую независимость. Но те не стали бы вскрывать ладанку с шеи мальчика. А вот русские, незнакомые с этим обычаем, могли.

Бандиты скрывались в станице Абинской. Сыщики приказали станичному атаману их арестовать. Тот, недолго думая, послал казака пригласить чужаков в правление... Злодеи убили посыльного и бежали; удалось задержать только их любовниц. Но след уже был взят. Вскоре обнаружили притон банды в самом Екатеринодаре, в доме № 52 по Графской улице. Там скрывались двое людей Полюндры: Ванька (Иван Самарцев) и Степка (Степан Драгунов). Ваньку взяли на

квартире, а Степку уже ночью в публичном доме. Оба тут же сознались и выдали атамана. Степан Мащенко по кличке Полюндра был арестован в буфете гостиницы «Версаль» за распитием водки. Он не успел оказать сопротивление, хотя имел при себе два револьвера и пятьдесят патронов.

Во время дознания и всплыла впервые кличка Варивода. Бандиты рассказали, как убивали Саркисовых. Они рассчитывали найти у торговца крупную сумму. Но тот перед самым налетом отдал наличность под вексель, и в лавке обнаружилось лишь сорок рублей. Гайменники выпили пива – и прикончили семью и прислугу из револьверов. Сначала хотели оставить пятилетнего мальчика Саркисовых в живых. Ни у кого не поднялась рука, хотя все они были матерые убийцы. Но помощник атамана Варивода сказал: «Еще чего, свидетеля отпускать!» Он сорвал ладанку, вскрыл ее, обнаружив внутри вместо золота бумажку с молитвой, – и со злости застрелил ребенка.

К июлю прошлого года с бандой Полюндры было покончено. На скамье подсудимых оказался сорок один человек. Восьмерых во главе с атаманом повесили, еще восьмерых отправили на каторгу, девятерых укатали в исправительные арестантские отделения. Из главных преступников избежал наказания лишь есаул банды – его так и не нашли. И вот теперь он уже атаман и снова убивает людей.

Черкес очень хотел жить и потому рассказал все, что знал. По его наводке в Армавире взяли двух армян из числа грабителей, а в Батуме – пятерых грузин. Вместе с Сопошовыми за решеткой оказалась шайка почти в полном составе. Трех оставшихся армян искали по всему Кавказу, но безрезультатно. Сыскная полиция получила сведения, что они сбежали в Турцию. Также не удалось найти Вариводу и тридцать три тысячи из похищенных денег.

Пытаясь спастись от петли, Кайтлесов дал новые показания. Они настолько удивили сыщиков, что Пришелец отправился на доклад к начальнику области.

Генерал-лейтенант Бабыч тоже ошалел от признаний черкеса и срочно телеграфировал в Тифлис кавказскому наместнику графу Воронцову-Дашкову. Еще бы! Иноходец сообщил, что в ближайшее время в Екатеринодаре произойдет террористический акт. Или сильный взрыв, или пожар, или и то и другое разом. Готовит его злодей Варивода, которого уже второй год не могут поймать. Подробностей задуманного арестованный не знал, он не входил в ближний круг атамана. Но рассказал, как месяц назад ездил с ним в окрестности

Майкопа, туда, где добывают нефть. Сам Кайтлесов стоял на стреме. А главарь вместе с другим подручным ушел поближе к вышкам, неся с собой что-то тяжелое, завернутое в кошму. И вскоре одна из скважин загорелась...

Власти задумались. Майкопский нефтеносный район – их любимое детище, на его развитие возлагались большие надежды. Там однажды уже случился большой пожар, и его едва удалось потушить. Много нефти сгорело, еще больше попало в реки и отравило их. Не дай Бог все повторится. Кроме того, арестованный говорит о столице области. Взрыв или пожар должны случиться там, а не в юртах[3 - Юрт – низшее административно-территориальное образование на казачьих землях.] казачьих станиц. Дело пахло керосином, и Бабыч отправился в Тифлис. Он сообщил новые подробности наместнику, и тот отнесся к ним со всей серьезностью.

Илларион Иванович Воронцов-Дашков был личным другом покойного государя Александра Третьего и нынешнего самодержца знал с пеленок. Должность Наместника Его Императорского Величества на Кавказе он нес ответственно, иногда даже чересчур. Канцелярия графа превратилась в нечто громоздкое, неуклюжее и с претензией на автономию. Отделы играли роль местных министерств и старались пореже связываться с Петербургом. Большинство вопросов они решали самостоятельно. Включая те, в которые не имели права вмешиваться... Но тут возник особый случай. Крупный акт планируется в столице нефтеносной области. Угроза общепасного повреждения имущества! Местная полиция явно не справляется. Как быть?

Наместник думал недолго и отбил в Петербург телеграмму. Он не любил опускаться до министров и адресовался прямо к императору. В телеграмме граф описал положение и высказался насчет необходимых мер. Проще говоря, он переложил в данном случае ответственность на МВД. Но так, чтобы приказ туда пришел с самого верха. Заключал свою депешу Воронцов-Дашков следующей фразой: «Лучше всего прислать Лыкова из Департамента полиции, он разберется».

Николай получил телеграмму и несколько дней никому о ней не сообщал. Тут было над чем подумать. Начиная с 1909 года, газеты много трубили о «майкопском чуде». Тогда одно из обществ, производивших разведку нефтеносных участков, вскрыло огромный пласт. Целый фонтан нефти вылетел в небо. Последствия были печальными: пожар, ущерб природе, большие расходы на ликвидацию бедствия. Но зато появился ажиотажный спрос на аренду

участков. Особое рвение проявили англичане, а они, как известно, нация торговая, хитрая. Просто так англичанин и пенса не потратит, а тут полетели миллионы. На Лондонской бирже второй год горячка, новые акционерные общества растут как грибы после дождя. Котировки их акций рвутся вверх, расталкивая старых эмитентов. Американцы зашевелились! В правительстве по этому поводу давно идет раздрай. Военное министерство хочет, чтобы нефтедобыча оставалась под русским контролем, и старается не допускать до аренды иностранцев. Министерство промышленности и торговли, наоборот, готово ввести для последних льготы, чтобы иностранцы активнее входили в новое и затратное дело. Своих-то средств у наших промышленников кот наплакал; без заграницы не обойтись. Власти на местах тоже хотят урвать кусок, требуют, чтобы без их согласия землю не раздавали. У нефти, судя по всему, огромное будущее. Золотая жила, которую надо холить, лелеять, развивать, всячески оберегать. А тут какой-то Варивода занес руку над целым городом. Екатеринодар не просто центр Кубанской области, он теперь и центр нефтедобычи. Их всего три на целую империю: Баку, Грозный и вот теперь еще Майкоп. Беречь надобно их, беречь...

Царь вызвал к себе Столыпина и показал ему телеграмму с Кавказа. Премьер-министр, он же министр внутренних дел, сразу понял замысел Воронцова-Дашкова. И криво усмехнулся:

– Когда пахнет жареным, зовут на помощь нас? А на той неделе граф опять превысил свои полномочия в надзоре за Чиатурскими марганцевыми копиями. Я опротестовал его действия телеграммой, так он даже не ответил!

– Петр Аркадьевич, оставьте ваши дрызги при себе, – резко пресек премьера государь. – Надоело. Давайте решать, как быть... в этом случае.

Столыпин несколько секунд обиженно молчал. Все чаще самодержец его обрывает. Ох, пора уходить... Вот только куда? В Государственный совет, просиживать белые штаны? Столько не доделано, работы непочатый край. А тут старый дурак Воронцов подкинул самодержцу бумажку, и на тебе. Брось все и подчищай дерьмо за наместником-маразматиком.

– Что молчите? Лыков – это тот, кто охранял меня на выставке в Нижнем Новгороде в девяносто шестом году?

– Извините, ваше величество, не знаю: я в это время был ковенским предводителем дворянства в чине надворного советника.

– Тот, тот... – государь потрогал себя за ус. – Потом Дурново исхлопотал ему Станиславскую ленту. Помню, я спросил Лыкова, сколько раз он был ранен, и Лыков затруднился ответить.

Пройдясь по кабинету, царь резко повернулся к премьеру:

– А потом что было? Он не сумел найти пропавшую икону Казанской Божией Матери. Рассиропился. Не справиться, конечно, может каждый. Хотя нам с Александрой Федоровной тогда зудели, что лучше Лыкова в уголовном сыске никого нет. И вот! Образ не найден по сию пору, а у Аликс осталось отчетливое чувство, что Лыков не очень и старался. Плохо он себя показал в той истории. Не помню деталей, но помню, что плохо. Едва-едва я присвоил ему статского советника за прежние заслуги.

Столыпин молчал. Спорить с государем из-за какого-то Лыкова он не собирался и ждал приказаний. Собеседник это почувствовал и спросил:

– Что думаете? Посылать Лыкова в Екатеринодар или нет? Вдруг он опять провалит? И там что-нибудь взлетит на воздух, может, даже весь город?

– Думаю, надо послать, ваше величество. Провалит – в вашей воле его наказать. Тогда его ждет уже пожизненная опала. Статский советник это, безусловно, понимает. Он же хочет дослужиться до генеральских чинов? Хочет, все этого хотят. Вот пускай и старается.

– Быть посему, – тут же согласился Николай. – Исполняйте просьбу кавказского наместника.

– Слушаюсь.

– Теперь о последнем заседании Думы. Очень мне не понравилось выступление Гучкова по малой морской программе. Неужели нельзя прищучить подлеца?..

Глава 2

Командировка

Товарищ министра внутренних дел, командир ОКЖ[4 - ОКЖ – Отдельный корпус жандармов.], заведывающий полицией, генерал-майор в звании шталмейстера Курлов вызвал к себе Зуева и Лыкова. Нил Петрович сразу сказал подчиненному:

– Ох, чую, быть нам битыми.

– Это отчего же? – возмутился Лыков. – Вроде в империи все более-менее. Много хуже бывали времена, чем сейчас.

– Имеешь шею, а хомут найдется, – вздохнул директор Департамента полиции. – Ежели начальство вызывает, то не для того, чтобы чай пить с пряниками. Ты того... подготовь справку, что ли. О том, что более-менее. Сведи вместе хорошие новости: кого поймали, кого повесили, какая раскрываемость. А плохие новости побереги для устного доклада.

– Будет сделано.

В итоге действительный статский и просто статский советники полдня просидели за составлением отчета. Когда они зашли к начальству, выяснилось, что справки готовили зря. Курлов сразу заговорил о другом:

– Господа полицианты, а как у нас обстоят дела в Кубанской области?

Полицианты переглянулись, и Лыков ответил:

– Есть проблемы.

– Какие?

– Бандитизм.

– Так он у нас повсюду, – заметил генерал-майор. – Или я чего-то не понимаю?

Курлов уважал Зуева, которого он отстоял перед Столыпиным два года назад. Тогда с должности директора департамента ушел Трусевич, причем обиженный, со скандалом. Нил Петрович служил вице-директором с 1903 года и был первым кандидатом на замещение должности. Но Столыпин относился к нему пренебрежительно и два месяца мариновал в исправляющих обязанностях. Курлов добился своего, выставляя достоинством кандидата его знания по хозяйственной и финансовой части. На вопрос, а кто станет заниматься политическим сыском, Курлов ответил: я сам. Зато буду уверен, что с кредитом и отчетностью проблем не возникнет... Эти несколько оскорбительные для Зуева аргументы тем не менее сработали, он получил должность. Сыск уголовный, как всегда, никого из власть предержащих не интересовал.

Лыкова же генерал недолюбливал за излишнюю самостоятельность, сопровождаемую, по его мнению, самоуверенностью. Плюс за очевидно скептическое отношение к начальству. Отслужив пару лет в Лейб-гвардии Конно-гренадерском полку, Курлов считал себя военным и потому превыше всего ценил дисциплину. Отношения товарища министра и статского советника не задались с самого начала. История в Одессе едва не стоила Лыкову должности[5 - См. книгу «Одесский листок» сообщает.]. Потом они с Азвестопуло отличились в Иркутске, и туча вроде бы рассеялась. Помог и барон Таубе: он несколько раз донес до сведения генерала, с каким уважением относятся к Алексею Николаевичу в Военном министерстве. В результате холодок в отношениях остался, но служба шла своим чередом.

– Так что с бандитизмом?

Лыков почтительно пояснил:

– Он был везде, Павел Григорьевич. Года примерно до девятого. В некоторых местностях даже до десятого. Но власти постепенно его искоренили. Шайки, конечно, остались, они всегда были и всегда будут. Но количество, масштаб злодейств сильно уменьшены полицией. Везде, кроме Кубанской области.

– Вот как? Там преступность никак не обуздают? Значит, Бабыч не на месте?

Зуев с Лыковым одновременно запротестовали:

– Генерал Бабыч – твердый администратор, он ладит с местным населением и с должностью своей справляется вполне успешно.

– В чем же тогда дело? – повысил голос Курлов. – Сами говорите: у всех покончили, а у него как пятый год.

– Это особенность юга, – стал терпеливо объяснять статский советник. – Я погорячился, сказав, что так лишь на Кубани. В Одессе, на Кавказе, вокруг Иркутска, в Харьковской губернии и кое-где еще ситуация пока отличается от общероссийской. Но местные власти делают все необходимое. К концу года, полагаю, и там наступит успокоение.

– Однако чем Кубанская область отличается, например, от Нижегородской? Там казаки, они люди военные, всегда при оружии. Почему допустили?

– Да, казаки – опора администрации. Но в области, особенно на линейном берегу Кубани[б - Линейный берег – правый берег реки Кубань.] много хуторов, выселков и отдельных подворий. Там хозяйствуют не только и не столько казаки. Земля богатая, народ зажиточный; преступникам есть чем поживиться. И станица далеко, помощь придет не скоро. В результате добычи много больше, чем в бедной Нижегородской губернии. А раз есть что отобрать, находятся и отбиратели.

Курлов с сомнением покачал головой:

– Объяснение неправдоподобное.

Но Зуев опять поддержал своего чиновника:

– Павел Григорьевич, Лыков прав. Местность беспокойная. С черноморского берега заглядывают черкесы, с Кавказа абреки, да и свои не зевают. На нефтяные прииски берут всякий сброд...

– И много там шаяк сейчас?

– Кое-кого уже окоротили, – напомнил начальникам сыщик. – Того же Полюндру, например. Или «факельщиков», которые подъезжали на конях с горящими

факелами и грозили сжечь дом, если их не впустят. А когда перепуганные хозяева открывали двери, их безжалостно резали. Поймали Сашку Персюка с его кодлой. Сейчас на Кубани остались две крупных шайки: Бубыря-Бухановского и «Степные дьяволы». К первой полиция уже подбирается, есть арестованные, и скоро ей придет конец. «Дьяволы» многочисленны и очень опасны. Счет им идет на десятки. Тем, конечно, легче их поймать. Но пока изловят, эти сволочи много крови прольют.

– Появилась еще одна шайка, – сообщил полицейским товарищ министра. – Из-за нее я вас и вызвал. Она была замечена в ограблении в Новороссийске тамошнего отделения Русского для внешней торговли банка. Кубанцы, надо отдать им должное, раскрыли исполнителей. А выяснили у них следующее...

И Курлов рассказал подчиненным суть дела.

– Так что, господа, у нас очередное Высочайшее поручение. Адресное, так сказать. Государь повелел отправиться вам, Алексей Николаевич, в Екатеринодар. И предотвратить готовящееся там злодейство. Притом что главарь бандитов известен только по кличке, а объект нападения неизвестен вообще. Трудное задание, но когда они у нас с вами были легкими?

Лыков только вздохнул. Кто бы говорил...

– Выезжайте немедленно, как только получите сопроводительные бумаги, – приказал товарищ министра. – Бабычу я прикажу содействовать всеми имеющимися средствами. Полномочия дадим о-го-го. Что еще нужно?

– Может потребоваться мой помощник Азвестопуло...

Курлов едва заметно поморщился.

– ...но это я пойму, когда прибуду на место и начну дознание.

– Вот и правильно, Алексей Николаевич, – взбодрился Зуев. – Иначе некому будет текущие дела вести. А их у нас... Гос-споди, спаси благочестивые...

И директор департамента вздохнул еще печальнее, чем до него Лыков.

– А ваш грек когда-нибудь вас заменит, – вдруг продолжил действительный статский советник. – Весьма сообразительный.

Алексей Николаевич с благодарностью посмотрел на директора. Он понимал, что тот хвалит Сергея в глазах начальства не просто так, а пытается переломить генеральское недовольство.

– Два ранения о прошлом годе получил, – не унимался Зуев. – Скоро он так вас догонит... упаси Господи, конечно.

Курлов хмыкнул:

– Так он и двух наград за это удостоился: чина и ордена. Плюс переехал в казенную квартиру по соседству с премьер-министром.

Генерал имел в виду последнюю новость. Лыков воспользовался временным фавором и выхлопотал своему помощнику жилье в доме № 9 по Пантелеймоновской улице. Дом являлся соседом знаменитого здания по адресу Фонтанка, 16, – там помимо Департамента полиции находилась служебная квартира министра внутренних дел, которую сейчас занимал Столыпин. Бесплатное жилье – большая редкость в Петербурге, и для тощего кошелька грека оно являло собой большое подспорье.

– За четыре дня борьбы между жизнью и смертью не так уж и много, – пробурчал себе под нос статский советник и благоразумно вернул разговор в прежнее русло: – Екатеринодарских жандармов надо привлечь, включая железнодорожных.

– Обяжем, куда они денутся. А кто сейчас там начальник сыскного отделения? Основная тяжесть ляжет на него, вопрос-то уголовный.

– Когда открыли отделение три года назад, назначили Гапонова, – стал припоминать Алексей Николаевич. – Я учил его на курсах, он был способный...

– Гапонов? – наморщил лоб товарищ министра. – Что-то знакомое. А это не он подстрелил бежавшего смертника? Когда весь конвой раззявил рты.

– Да, тот самый, – подхватил статский советник. – Некий экспроприатор по фамилии Балашов был приговорен за свои деяния к виселице и задал деру по пути на казнь. Тогда этот случай наделал шуму. Время ночное, конвойные растерялись, и Балашов едва не избег наказания. По счастью, при казни должен был присутствовать начальник сыскной, Гапонов, и он единственный принял меры. А именно – вынул наган и выстрелил трижды. В темноте по движущейся цели он попал двумя зарядами. Балашов выскочил-таки за ворота, но вскоре свалился, потеряв сознание. Его перевязали, чтобы чуть позже повесить.

– Вот молодец Гапонов!

– Конечно, молодец. Но в девятом году Ювеналий Иванович стал помощником полицмейстера, а должность начальника отделения занял другой. Фамилия его Пришельцев. Этот поднялся из участковых приставов, проявил склонность к сыску. Лично с ним я не знаком, но раскрываемость у него по отчетности выдающаяся...

– Однако банды поймать никак не может, – сердито возразил генерал-майор.

– А вы думаете, я приеду и за две недели там всех злодеев изловлю? – не удержался от резкого вопроса сыщик. – Так не бывает. Какой бы ни был я ипостасный.

Курлов тут же встал, подчиненные тоже поднялись.

– Поезжайте и разберитесь, – казенным тоном произнес товарищ министра. – И чтобы был результат! Его Императорское Величество оказали вам высокое доверие. Поглядим, как вы его оправдаете...

Глава 3

Знакомство

10 марта 1911 года Алексей Николаевич сошел с поезда на перрон екатеринодарского вокзала и осмотрелся. Снега нет совсем! А когда он три дня

назад выезжал из Москвы, там лежали сугробы. Юг, это уже юг. Лыков никогда прежде не был в этом городе. Что ждет здесь статского советника? Курлов чуть ли не злорадствовал. Если сыщик сломает себе шею на августейшем поручении, шталмейстер кручиниться не станет.

К приезжему подошел высокий плечистый мужчина лет тридцати, одетый непритязательно.

– Здравия желаю, ваше высокородие. Дозвольте представиться: надзиратель сыского отделения неимеющий чина Корж.

Лыков протянул ему руку, свободную от чемодана:

– Мое высокородие зовут Алексей Николаевич. А вас?

– Степан Матвеевич.

– Будем вместе служить какое-то время, чего язык титулами утруждать. А где начальник отделения?

– Коллежский асессор Пришельцев командирован в Ейский отдел[7 - Отдел в Кубанской области являлся аналогом уезда.] и поручил мне вас встретить.

– Что-то срочное?

– Точно так. Массовитое убийство в юрте станицы Новолеушковской. Зарезаны девять человек, включая маленьких детей.

Сыщики помолчали. Лыков лишь скрипнул зубами. Все чаще и чаще встречал он такие зверские преступления. В прежде спокойной и мирной православной стране словно вспыхнула страшная заразная болезнь. Жизни у малолетних отнимали с удивительной легкостью. Каждые несколько месяцев, а иногда и недель, приходили новые известия. Дети не могли быть свидетелями, они не представляли угрозы для гайменников, не оказывали им сопротивления. И тем не менее погибали...

– «Степные дьяволы» или Бубырь?

– Разбираемся, – коротко ответил надзиратель.

Помолчав еще немного, он спросил:

– Алексей Николаевич, куда вас доставить? Вы ведь города не знаете?

– Впервые здесь. А на ваш вкус, куда лучше поселиться?

Корж пожал литыми плечами:

– От кошелька зависит. Самой-самой считается гостиница «Центральная». На главной улице, на Красной. Напротив войскового собора. Номера со всеми удобствами, ванны, телефон, подъемная машина «Лифт»... Цены там, правда, сумасшедшие.

– В Екатеринодаре такие дорогие гостиницы?

– Дороже, говорят, чем в столицах, – ухмыльнулся Корж. – Это все нефтяная горячка. Город набили доверенные со всего света. Вчера вон американцы приехали. По мне, так большинство из них жулики. За год цена на аренду помещений выросла вдвое! Те, кто выстроил дома, теперь озолотятся. Ни одного угла свободного скоро не останется.

– Ну, тогда едем в «Центральную», – вздохнул командированный. – Пока деньги не кончатся. Далеко оттуда до резиденции начальника области?

– Резиденция – это где он живет? – догадался неимеющий чина.

– Да. В Иркутске, к примеру, это называется Белый дом. А у вас?

– У нас Атаманский дворец. Генерал Бабыч ведь не только начальник области, но еще и наказный атаман Кубанского казачьего войска.

– Ясно. От гостиницы до дворца пешком сколько минут ходу?

– Да пять всего.

– Значит, айда в «Центральную». Я должен представиться атаману и полицмейстеру. А...

– Господин Пришельцев ожидается к вечеру, – упредил гостя встречающий.

– Вот и хорошо. Ловить-то бандитов мы будем с ним и с вами, а не с генералами. Надо быстро войти мне в курс дела. Поможете? Высочайшее повеление как-никак.

– Да мы и без повеления сил не пожалеем, – по-простому, без пафоса, ответил Корж. – Жалко город, а они вон что удумали... взорвать или сжечь. Волчье сердце! А вот не дадим!

Сыщики поехали на извозчичьей пролетке в город. Кубанец предложил питерцу прокатиться на трамвае – так дешевле. Но гость не захотел толкаться на площадке с чемоданом и выбрал фурманщика. Он с любопытством крутил головой по сторонам. А хорошо выстроен Екатеринодар! Деревянных домов почти не видать, все больше каменные. Много новых зданий, часто интересной архитектуры. Лыков любил на новом месте изучать особенности, присущие лишь здешним краям. Его внимание привлек кирпич. Удивительно, как здорово использовали его кубанцы. Башенки, наличники, пилястры, отделка фронтонов – такого изобилия сыщик не встречал еще нигде. Ведь весь этот кирпич, чтобы сделать фигурным, надо обтесать. Что долго и дорого. Проще выложить обычную кладку, ну, чуть-чуть где-нибудь приукрасить... А тут что ни дом, то собственное лицо. Обыватели не жалели средств, чтобы выделиться. И еще много изящных женских головок на фасадах – к ним у населения была явная слабость.

Лыков поделился наблюдениями с сопровождающим:

– Эк у вас дома отделаны! Глаз радуется.

– Да, кирпича у нас много вырабатывают. Заводов чуть не два десятка, и глина хорошая.

– Так ведь дорого тесать, а тешут. Вазоны то и дело, чугунные решетки тонкого рисунка...

Корж польщенно улыбнулся:

– Домохозяйева у нас любят украшательства, да. Медом не корми, дай выскочить из шеренги.

– Грязно только, – не удержался от критики приезжий. Но тут же перевел разговор на другое: – Степан Матвеич, но доходных домов я вовсе не вижу, только особняки. В один этаж притом, редко увидишь в два. Где же у вас пришлые селятся? А военные? Не иначе, квартирный кризис.

– Есть недостаток в наемном жилье, – согласился надзиратель.

– А почему казаков на улицах так мало? Я ожидал, что у вас как в Новочеркасске: сплошь люди в лампасах. Тут ведь столица войска.

– Ну и что? Екатеринодар начинался как военное поселение, и тогда, конечно, казаки все решали. Но Александр Второй его перевел на обычное управление. И теперь у нас как у всех: царят иногородние.

– Правда? – опешил Лыков. – Вроде бы станичники – оплот власти. Зачем их обижать?

– Рассказываю, как было, – отрезал неимеющий чина. – Раскололи казаков. Хочешь остаться в сословии – уезжай вон из города. Цепишься за город – переводись в мещане. Людям пришлось выбирать. Те, у кого здесь была торговля, дом, земля в хорошем месте – куда они уйдут? Перелицевались. А кто решил сословия своего славного не менять, перебрались в станицы. Так что те казаки, кого вы сейчас видите, – это служивые. В Екатеринодаре стоит казачий полк, отдельный пластунский батальон и конно-артиллерийская батарея. Ну, еще войсковой штаб, госпиталь, в администрации много людей носят малиновые лампасы[8 - Кубанскому казачьему войску был присвоен малиновый цвет (лампасы, башлыки, выпушка, погоны, донце папахи и т. п.)]. Полицмейстер Захаров вон в чине есаула. А все равно казаки уже прежнего влияния не имеют.

– А кто имеет?

– Богачи, кто же еще? Прежде табаководы задавали тон. Мы же главный поставщик табаку в России. Сейчас, судя по всему, нефтяные дельцы войдут в силу. А вообще – хлеб. Места южные, плодородные. Тепло очень – летом прямо хоть ложись и помирай от зноя. Зато все растет. Так что кубанцы сильны своей почвой.

– А промышленность не ваш конек? – поддел местного гость.

– Не наш. Тут больше эти... аграрии. И торговля процветает. А железяки точить – это не к нам, пожалуйста в другие места. Есть механические и литейные заводи, но все невеликие. Маслобойные не в пример больше будут...

Между тем пролетка миновала привокзальные строения и вырвалась на длинную прямую улицу, украшенную триумфальной аркой.

– Это Екатерининская, – пояснил Корж. – В арку проезжал покойный государь Александр Третий, когда посетил город, вот и оставили на память. Как доедем до Красной улицы, повернем направо, к гостинице. А налево будет к Атаманскому дворцу. Советую вам, Алексей Николаич, вечером прогуляться по Красной взад-вперед. Получите удовольствие.

– Непременно. Надо только сначала заселиться, объехать начальство и... Когда примерно вернется Пришельцев? Ваше отделение в здании городского полицейского управления?

– Нет, нам выделен дом номер шестьдесят семь по Посполитакинской улице. Арендуем у Котляревского. От управления далековато будет.

– И как я вас отыщу вечером?

Надзиратель удивился:

– Вы же по Высочайшему повелению. Тут все во фронт вытянутся. Господин коллежский асессор велел мне сопровождать вас весь день и к вечеру привести в отделение. Он вернется часов в восемь-девять, сразу и познакомитесь. Кота тянуть за хвост никто не станет. Шутка ли – диверсия готовится. Мы сами уж всю голову сломали.

– И какие мысли?

– Главная мысль такая: войсковые склады. Не иначе как их думают взорвать, лоп-перелоп. А там снарядов не сосчитать сколько. В Кубанском войске пять конно-артиллерийских батарей, и весь их запас хранится в погребах за казармами Самурского полка. Это на краю города, возле кладбищ. Охрану там сразу усилили, как узнали. Но все же боязно. Хорошо, что государь вас прислал, городу внимание лестное. И новый свежий взгляд: может, мы чего-то забыли или не учли?

Они выехали на Красную улицу, и статский советник ахнул. Какие магазины! Все замощено, дамы в дорогих мантиях, множество шикарных экипажей, и даже одинокий автомобиль катит, пугая лошадей клаксоном. Не хуже Одессы или Ростова, по крайней мере здесь, на главном проспекте.

Гостиница «Центральная» оказалась трехэтажным строением непонятной архитектуры, смахивающей на ложную готику. Оно было облицовано майоликовой плиткой приятного зеленого цвета. Внизу торговые помещения, верхний этаж украшен башенкой с лепниной: Аполлон наяривает на каком-то инструменте[9 - На кифаре (древнегреческая разновидность лиры).], а ему внимают античные дамы и пейзажи... Номера располагались на углу с другой престижной улицей, Гимназической. Корж пояснил, что это из-за мужской и женской гимназий, что стояли на другой стороне площади.

Лыков заселился в номер на втором этаже, окнами на крышу какого-то странного дома с вазонами и огромным флюгером. Всезнающий надзиратель сообщил, что это особняк братьев Богарсуковых, одних из самых богатых жителей Екатеринодара. Кстати, хозяев «Центральной». Он счел нужным многозначительно добавить:

– Братья – черкесогаи, потому делают тут что хотят.

Алексей Николаевич его понял. Черкесогаи, или закубанские армяне, – особая публика. Триста лет назад они пришли на Кубань, по-видимому, из Крыма, спасаясь от гонений мусульман. Беженцы поселились среди адыгов, которые, хоть и молились Аллаху, терпимо относились к другим религиям. Армяне переняли быт черкесских народов, их одежду, оружие, привычки и даже язык – все, кроме веры. Образовалось немногочисленное общество, горское по образу

жизни, христианское по религии и торговое по складу характера. Когда русские пришли покорять этот край, наступило золотое время для черкесогоев. Они стали посредниками между двумя мирами. А тут еще знаменитый генерал Засс переселил триста их семей поближе к русским, вблизи крепости Прочный Окоп. Ловкие коммерсанты тут же извлекли выгоды из своего положения. Они брали и с тех, и с этих, помогая сторонам договариваться, обмениваться товарами и в конечном счете уживаться друг с другом. Когда Кавказская война закончилась, у горских армян оказалось собственное селение Армавир, ставшее затем столицей Лабинского отдела. Деятельные, оборотистые, а главное, принятые обоими противниками в полувековом конфликте, черкесогои сильно разбогатели. И теперь составляли на Западном Кавказе влиятельную этническую группу.

Командированный попросил надзирателя подождать его в ресторане и угоститься пока на его счет пивом. Корж согласился. Лыков быстро принял ванну, побрился, надел сюртук со старшими орденами, а Станиславскую ленту сунул куда в карман. Забрал Степана Матвеевича, но сразу в Атаманский дворец не пошел. Первым делом статский советник помолился в войсковом соборе – за здоровье родных и по случаю приезда. И лишь после этого приказал Коржу отвести его к начальнику области. Еще он окинул взглядом дом Богарсуковых. Красиво, почти палаццо. Правда, с лепниной архитектор явно переборщил и перегрузил фасад мелкими деталями, особенно по второму этажу. Видать, хозяевам это нравится...

До дворца действительно оказалось пять минут ходу. Лыков осмотрел по пути начало Красной улицы. Очень она ему понравилась, вот только булыжник под ногами он нашел неудобным: мелковат. Спутник пояснил, что в Кубани другого не водится, используют тот, что есть.

Идти к Атаманскому дворцу пришлось мимо памятника Екатерине Великой. А когда сыщик увидел резиденцию начальника области, город окончательно его обаял. Казаки неожиданно обнаружили и вкус, и понимание гармонии – не в пример черкесогаям.

Приказный на входе козырнул, пропуская увешанного орденами посетителя. В приемной Лыков приладил ленту и назвал секретарю. Тот зашел к шефу и тут же вышел:

– Прошу! Вас ждут.

Генерал-лейтенант Бабыч поднялся навстречу столичному гостю с дежурной улыбкой, но смотрел настороженно. Вдруг он увидел солдатский Георгий.

– Что это у вас? Где удостоились?

– В Кобулетском отряде.

– На Русско-турецкой? А я вот за взятие аула Сочи получил, в шестьдесят четвертом, еще юнкером.

И хозяин кивнул на свой чекмень, где среди других наград висел такой же знак Военного ордена четвертой степени[10 - Официальное название солдатских георгиевских крестов.].

Мужчины сразу повеселели: эх, молодость... Были когда-то и мы рысаками...

Бабыч для своих лет (а ему шел седьмой десяток) выглядел бодро. Усы и борода, правда, седые, и голова почти облысела. Но начальник области производил серьезное впечатление. Алексей Николаевич знал, что тот успел повоевать. Он застал окончание Кавказской эпопеи, потом резался с турками на Второй Восточной[11 - Вторая Восточная война – Русско-турецкая война 1877–1878 гг.], участвовал под командой Скобелева в Ахалтекинском походе. В 1908 году, когда власть стала сдавать под натиском терроризма, Бабыча поставили управлять Кубанской областью. Он быстро вернул авторитет администрации, перевешал бомбистов, успокоил население. Коренной казак, да еще и сын знаменитого Павла Денисовича Бабыча, он был для людей своим. Отец, кавалер золотого оружия и семи орденов с мечами (и еще множества без мечей), в середине прошлого века покориł черкесов. Тень его славы падала и на сына.

Сыщик и генерал сели и потребовали чаю. Когда секретарь вышел, наказный атаман задал первый вопрос:

– Вы почему не заехали сначала в Тифлис, представиться наместнику?

– Времени мало, как-нибудь обойдется граф.

– Его сиятельство очень обидчив. Не боитесь нажать врага?

Лыков ответил обстоятельно:

– Когда я был молодой, старался со всеми быть в добрых отношениях. И для службы полезно, и вообще... Но с годами надоедают наши китайские церемонии.

– Хм. Отчего граф Воронцов назвал государю именно вас? Знал по прежней службе?

Лыков пожал плечами:

– Нет, мы лишь поверхностно знакомы, никогда вместе не служили.

– Так в чем же дело?

– Думаю, меня рекомендовал Ширинкин[12 - Ширинкин Е. Н., генерал-лейтенант – тогда бывший помощник наместника по полицейской части.]. Евгений Никифорович знает меня много лет, с тех пор когда мы вместе охраняли предыдущего государя.

– Понятно. Вы приехали по Высочайшему поручению, так сказано в телеграмме Курлова...

– Да. Полномочий полный карман, но это всего-навсего бумаги. Без вашей помощи, без жандармов с сыщиками я пустое место.

Генерал разволновался и перешел на местное наречие:

– Мы всей душой, Алексей Николаевич. Сами понимаете: живем здесь. Ведь не халаш-балаш![13 - Халаш-балаш – пустяки.] Только-только маленько успокоились, и вот – какой-то вражий мнэць хочет нас взорвать. А давайте ему зябры завернем!

– Давайте, – согласился гость. – Про Вариводу, понятное дело, я буду говорить с Пришельцевым. Вы мне скажите вот что: сам Пришельцев на своем месте?

– Вполне. Твердый, опытный. Он ведь раньше был приставом на хуторе Романовском. Это такая помойка, что поискать. Шибенники, бродяги, чуть не в

каждом дворе притон. Александр Петрович с ними управлялся и сейчас весь город тащит. Да что город – целую область. То и дело я командирую его в разные концы помочь местной полиции. Вот и сейчас он в Ейском отделе. Там очередное происшествие, такое, что мурашки по коже. Четырех детишек зарезали, анцыбалы. Самой младшей три дня от роду, даже окрестить не успели. А ее ножом...

– Михаил Павлович, таких анцыбалов сейчас по Руси все больше и больше.

– Раньше не было! Откуда они взялись, из какой прорехи? Вот время настало...

– И раньше были. Я еще в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году одного такого на листовнице вздернул. Собственноручно, и испытал от этого облегчение... Нелюдь детишек пытал, спрашивал, где отцова казна. Так что зла у нас бессчетно. Но продолжим. А полицмейстер Захаров что за человек?

– Фасон гнет будь здоров, – неодобрительно сообщил Бабыч. – Я его заметил еще в Карсе, когда был там военным губернатором. Вроде бы в те поры он честно служил, старался. Перетащил я молодца сюда, а теперь жалею. В нем что-то сломалось. Захаров с Пришельцевым живут как кошка с собакой. Для дела это убыток, понимаю...

– Зачем же вы его держите?

– Между нами, есаул скоро уйдет. Вернется обратно в Карс, на должность тамошнего полицмейстера. Содержание выше, и есть возможность выслужить чин подполковника. Так что не берите его в расчет.

– А жандармы?

– Сейчас от них толку мало.

– Сейчас? – зацепился за слово сыщик. – А прежде?

– Прежде у нас имелся охранный пункт, которым командовал полковник Засыпкин. Вот он был на своем месте! Всех бомбистов, анархистов, социалистов из Екатеринодара вычистил. Федор Андреевич стал бы вам хорошим

помощником. Да не судьба. Он теперь большой человек, полицмейстер Тифлиса. Кадр пункта влили в жандармское управление. Агентуру, что подобрал Засыпкин, туда же. И... она там, агентура, затерялась, что ли. По крайней мере, я уже давно не получаю надежных секретных сведений.

Лыков посмотрел на часы и продолжил расспросы:

– В какой мере я могу полагаться на Тихобразова?

Полковник Тихобразов был тем самым начальником КОЖУ, от которого генерал давно не получал надежных сведений.

– Мне кажется, он себе на уме и за холодную воду не берется.

– Простите, не понял...

Бабыч хмыкнул в седые усы:

– Это наша пословица, кубанская. Так говорят о лентяях.

Пришла очередь Лыкова улыбаться. Генерал дипломатично добавил:

– Впрочем, могу быть неправ.

Лыков поднялся.

– Михаил Павлович, спасибо за откровенный разговор. У вас полно дел, откланиваюсь. Буду держать вас в курсе, располагайте мною. Последний вопрос: что в городе под угрозой? Что могут взорвать Варивода и его банда?

– Войсковые артиллерийские склады, – уверенно ответил генерал-лейтенант. – Ничего другого, столь же опасного, в Екатеринодаре просто нет.

– Это облегчает задачу.

– Езжайте к Захарову. Ему телефонируют, чтобы сидел и ждал вас, никуда не отлучался. Как только осмотритесь и появятся вопросы – заходите. Моя дверь всегда открыта.

– Честь имею!

Выйдя на улицу, Лыков под конвоем Коржа отправился в полицейское управление. По пути он спросил:

– Степан Матвеич, а что за контры у Пришельцева с Захаровым?

– Это вам генерал сказал? Есть такое... Полицмейстер нас, сыскных, в грош не ставит. Так и норовит подгадить, да все по ерунде. Пустой человек.

Надзиратель глянул на извозчика и понизил голос:

– С чего все началось, никто понять не может. А о прошлом августе... Через Екатеринодар проезжал министр юстиции. Начальство, как полагается, собралось на вокзале представляться. И Александр Петрович приехал, загодя. Прокурор его увидел и поставил возле начальника тюрьмы. Ну, он стоит, где велено... В последнюю минуту прискакал Захаров как оглашенный. Опоздал, самому, видать, неловко. И наскочил на Пришельцева. В грубой самой что ни на есть форме велел ему отойти подальше.

– Почему он так сделал? Начальник сыскного отделения стоит возле начальника местной тюрьмы. Что тут такого?

– Да леший разберет. Ну, Александр Петрович на ногу себе наступить никому не дает, мужчина с амбицией. А тут еще при всех! Он ответил полицмейстеру, что находится там, где ему указало начальство в лице окружного прокурора. А есаул еще громче стал хаять. Я-де над вами начальство и сейчас же вас выгоню. Революционер и нахал, вот как.

– Прямо этими словами? – поразился питерец. – При всех?

– Так точно. Наш никуда, конечно, не ушел, тем более что министр вскорости подъехал. Но на другой день подал начальнику области рапорт. Завязалась

переписка, объяснения, запросы... Кончилось ничем, но обиды остались. Потом мы взяли банду Полюнды, и армяне решили отблагодарить Александра Петровича. Злодеи-то, которых он поймал, убили всю семью Саркисовых, и диаспора, значит, захотела его поощрить. Обратились к Бабычу: пусть разрешит начальнику сыскной принять от населения подарок – золотые часы. Бабыч ответил в таком духе, что разрешить не может, но не может и запретить обывателям выразить свои чувства. Ну, ребята собрали деньги, они все не бедные. И преподнесли господину коллежскому асессору. Триста рублей стоят те часы, красота! Александр Петрович принял. Заслужил, вестимо. Такая банда, столько зла наделала, а мы их расчихвостили. По совести, нам бы всем надо награду дать, однако начальник есть начальник. И тут опять влез не в свое дело полицмейстер. Написал рапорт, а правильнее сказать, донос. Пришелец-де взял дорогой подарок, который ему генерал-лейтенант принимать не разрешил. Ку-ка-ре-ку, ку-ка-ре-ку! Шум на всю станицу. Бабыч разбирался, разбирался, да и плюнул. Некогда, мол, ваши кляузы читать, дел и без того полно. То есть задним числом не то чтобы разрешил, но закрыл глаза. Понимает, что Пришелец подарка достоин, а сам себе такую вещь, при копеечном нашем жалованье, никогда позволить не сможет.

Надзиратель перевел дух и продолжил:

– Ну, с той поры отношения совсем развинтились. Есаул стал коллежскому асессору ногой указывать[14 - Указывать ногой – требовать беспрекословного повиновения.]. Например, требовал ежедневных отчетов. Начальник отделения написал прокурору: если те отчеты сочинять, то некогда будет жуликов ловить. В штатах три надзирателя да четверо городских. Прокурор согласился и разъяснил начальнику области никчемность придинок. Потом Захаров не пустил из управления арестанта Гоцева к нам на допрос, на Посполитакинскую. Начальник сыскной пусть сам ходит к арестанту! Дурь же, совершеннейшая глупость. А ему лишь бы насолить. Пришелец – Бабычу: я за пять месяцев арестовал сто восемьдесят три жулика. Ежели всякий раз, чтобы их допросить, стану бегать в управление через весь город, когда же службу исполнять? Тогда Захаров разрешил доставить Гоцева на допрос в сыскное отделение, но чтобы конвоировали его при этом наши городские. Два, а их у нас всего четверо! Пришелец снова пишет Бабычу: люди наперечет, завалены сыскными обязанностями по горло, как можно их так расточительно использовать? Ведь наши ребята городские и слежку ведут, и дознания, и розыски. А общая полиция чего? По улицам порядок наблюдает. Почему же не им арестанта водить, а нам? И так каждый день всякое разное. Извините, Алексей Николаич, я вам попростому скажу: у нашего полицмейстера голова на плечи не тем концом

надета.

Лыков ехал и думал: вот она, русская реальность... Вокруг грабят и убивают людей, а полицмейстеру нечем себя занять, кроме как ставить палки в колеса начальнику сыскного отделения. Надо, конечно, поглядеть, что за фрукт этот Пришелец. Не сам ли он дает поводы к склокам. Но в Петербурге перед отъездом статский советник посмотрел отчет из Екатеринодара за минувший, 1910 год. Раскрыто грабежей простых – 100 %, вооруженных – 100 %, убийств – 100 %, мошенничеств с подлогами и вымогательствами – 100 %, растрат – 100 %. Феноменальные показатели, большинству отделений они и не снились. Само собой, есть и упущения: из краж со взломом раскрыто лишь 13 %. Черт бы с ними, главное, что убийцы и грабители все изловлены. Но вот коллежский асессор встал не туда при визите министра, и значит, нужно его публично оскорбить.

Наконец они приехали. Здание городского управления полиции выглядело неказисто: в полтора этажа, обшарпанное и окрашено в какой-то грязно-бурый цвет. На крыльце маялся чинуша с газетой в руках. Оказалось, это секретарь управления, а газету он держал неспроста: в ней фотография Лыкова, которая должна была помочь опознать гостя.

Алексей Николаевич попал в газеты не в первый раз. Теперь поводом послужило его участие в разгроме остатков шайки Савицкого. Самого атамана застрелили еще два года назад под Гомелем, но некоторые из его подручных сумели скрыться. За бандитами числилось более сорока убийств. Военный суд в Чернигове приговорил четырех главных виновных к смерти, восьмерых – к бессрочной каторге. Народ облегченно вздохнул, как вдруг спустя время в Киеве опознали некоего Курилло. Головорез спокойно работал официантом в ресторане Соловцова! Киевское сыскное передало дело Департаменту полиции, и Лыков с Азвестопуло поймали еще пятерых забытых следствием членов знаменитой шайки.

Статский советник вошел в кабинет полицмейстера. Тот встретил его стоя навтыжку:

– Ваше высокородие...

– Здравствуйте, Дмитрий Семенович. А меня звать Алексей Николаевич. Давайте попьем чаю и поговорим.

Захаров оказался бесцветным человеком с глазами как две заслонки. Увидав приветливое обращение гостя, есаул еще более насторожился. Лыков с полчаса, как мог доброжелательно, рассказывал ему о своем поручении. Они согласовали обязанности, выпили по три стакана чаю. Наконец командированный осторожно спросил:

– Главным помощником мне будет ведь Пришелец?

– Точно так. На мне целый город, ответственность, то да се. Верите: ночей не сплю, все о службе думаю. У нас ведь как: нынче атаман, а завтра яман. Приходится крутить, как цыган солнцем[15 - Успевать везде.]. А Пришелец...

– Что он за человек?

– Ему лишь бы отчет гладкий был. К службе совершенно равнодушен. Взятки золотыми часами берет... А начальник области не препятствует. Дисциплины никакой: мне, полицмейстеру, отказывает в рапорте!

– Но если глядеть в отчеты, то раскрываемость у него на высоте.

Захаров вспыхнул:

– Это еще надо проверить его отчеты! Пришелец хорош очки втирать. А банду «Степных дьяволов» второй год изловить не может.

– Я вас понял, Дмитрий Семенович, спасибо за откровенность. Буду согласовывать с вами каждый свой шаг. Но коллежский асессор по должности обязан быть мне ближайшим помощником.

– Так пусть и покажет себя. Увидите: опростоволосится. Скорее груши на вербе вырастут, чем Пришелец поймает Вариводу.

– Вы не знаете, когда начальник сыскной вернется в город? – сменил разговор питерец. – Мне с ним хотелось бы увидеться уже сегодня, хоть за полночь.

– Алексей Николаевич, – вкрадчиво заговорил есаул, – у вас ведь в кармане Высочайшее повеление. Вы здесь все можете. Верно?

– Ну...

– Вот и воспользуйтесь правами. Присмотритесь к этому прощелыге, и непременно увидите, что я прав. Тогда и... снять его, шахрая[16 - Шахрай – жулик, мошенник.], с должности. А?

– Дознание покажет, каков на самом деле ваш подчиненный. И все же, как мне его увидеть?

– Я распоряжусь, чтобы он вас ждал. Сейчас коллежский асессор в Ейском отделе, но к вечеру обязан вернуться. Мне, конечно, он докладывать не будет, а сразу пойдет к Бабычу. Любит к начальству шастать, усердие показывать.

– Но ведь именно Михаил Павлович послал его в отдел. Поэтому и доклад ему.

Полицмейстер смутился:

– Да, однако ведь и я ему начальник. И тоже желаю знать про дознание.

В разговоре возникла заминка.

– Не хотите ли еще чаю? Или есть коньяк.

– Нет, спасибо. Я пойду.

– Позвольте вас сопроводить, – вскочил есаул. – Покажу все эти... достопримечательности. Город у нас красивый.

– У вас дел выше головы. Я сам, не беспокойтесь.

– А где остановились, Алексей Николаевич?

– В «Центральной».

По лицу Захарова пробежала непонятная гримаса:

– Так-то конечно... с такими прогонами... по чину пятого класса, да еще по Высочайшему повелению...[17 - Лыков, будучи в чине пятого класса, получил прогоны за 6 лошадей по 2,5 копейки с версты и лошади. В итоге его прогонные составили 15 копеек с версты. За расстояние до Екатеринодара (2180 верст) ему полагалось 327 рублей в один конец, или 654 рубля в оба конца. При командировках по Высочайшему повелению прогоны удваивались, стало быть Лыкову выдали 1308 рублей. Притом что он отдал за билеты в поезде в первом классе в оба конца 70 рублей.]

– Не в ту гостиницу поселился?

– Нет, что вы. Но там номер десять рублей в день!

– Куда деваться? – развел руками сыщик. – Все говорят: нефтяная горячка. И потому дерут втридорога.

– Ох, разбойники хуже Полюндры...

Лыков простился с полицмейстером и вышел в приемную. Корж тут же вскочил: ловкий, подтянутый.

– Куда теперь, Алексей Николаич? До возвращения Пришельцева еще часа три.

– А давайте по городу пройдемся. Люблю новые места узнавать. Захаров сейчас предлагал себя в чичероны, но я отказался. Пиво в Екатеринодаре есть хорошее?

– Так точно! Завода Ирзы, «Новая Бавария» называется. У них собственный артезианский колодец, в котором лучшая в городе вода; они ею даже торгуют. Пиво первоклассное.

– Хочу его распробовать. Еще я из пролетки видел раковарню. Хорошее заведение, мне такие лишь в Ростове встречались. В Кубани разве тоже раки водятся? Говорят, она мутная.

– Это известка ее мутит, а так ничего. А раков ловят в притоках да в горных речках. Ну, идемте. Что еще желаете увидеть, кроме раковарни?

– Красивые улицы с интересными домами.

– Ну, лучшую вы уже смотрели. Пойдемте остальные глядеть. Пива или чего покрепче отведаем. А там и Александр Петрович вернется.

Глава 4

Город Екатеринодар, март 1911 года

Скромное поселение заложили на Кубани в 1793 году. Сначала это был укрепленный лагерь, затем – военная крепость. Требовалось освоить земли, пожалованные Екатериной Второй Черноморскому казачьему войску за ратные подвиги в очередной Русско-турецкой войне[18 - Война 1787–1791 гг.]. Согласно грамоте, казаки получили в вечное пользование территорию по правому берегу реки от Таманского полуострова на западе до Усть-Лабинского укрепления на востоке. Закубанские горцы не обрадовались соседям, и разгорелась многолетняя резня. Долгое время основные события кавказского противостояния происходили в Чечне и Дагестане, да на Черноморской линии. Но и здесь черкесы скучать казакам не давали... Лишь в 1860 году город стал административным центром вновь образованной Кубанской области, и люди смогли перевести дух. В том же году появилось Кубанское казачье войско. Его создали из Черноморского войска, влив в него дополнительно первые шесть бригад, пеший батальон и две конные батареи Кавказского Линейного казачьего войска. А затем реформы продолжились. Полувековое покорение Кавказа наконец-то завершилось, началась мирная жизнь.

Тогда уже крепость доживала последние дни. Правильнее было бы назвать ее земляным укреплением с редутами по углам. Кирпичных строений было мало, преобладали турлучные[19 - Турлучные дома имеют деревянный каркас, обмазанный глиной с добавлением соломы, камыша и навоза.]. Крепость заняла так называемый Карасунский кут – болотистое место между Кубанью и протокой Карасун, соединяющей Старую Кубань с нынешней. Соответственно и весь город

оказался зажат между рекой и протокой и мог расти только на север. Он состоял тогда из нескольких десятков очень грязных улиц. К северо-востоку от крепости располагалась казачья станица Екатеринодарская. Черту города на севере обозначал земляной оборонительный вал с пятью проездными воротами. Заправляли всем военные.

В 1867 году Александр Второй дал Екатеринодару сильный толчок, переведя его на общее управление. Казаки, решившие остаться, переписались в мещане. Зато появились так называемые иногородние: предприимчивые люди другого образа жизни. Многие из них были с деньгами, они открыли лавки, магазины, заполнили базары. Заработали заводы и фабрики, резко выросли торговые и промышленные обороты. В 1887 году одна из станций Владикавказской железной дороги – Тихорецкая – соединилась с Екатеринодаром, а еще через год линия была доведена до Новороссийска. Это очень оживило город, привлекло в него новые капиталы. Кубань судоходна от впадения в нее Лабы и до самого устья, до Азовского моря. Таким образом вчерашняя земляная крепость сделалась важным транспортным узлом.

Прежний «мокрый угол», где каждое лето царствовала малярия, стал хорошеть. Город раскинулся в низине, а окраины его находились на возвышении. Центр из-за этого оказался болотистым, и много сил пришлось потратить на его дренаж. Карасун в нескольких местах перекрыли проездами, построили дамбу, и полноводный прежде поток превратился в цепь озер. Улицы стали мостить, воду сбрасывать в Кубань, глинобитные дома заменять кирпичными.

Сейчас Екатеринодар представлял собой южный город со стотысячным населением, бойкий и живой. По-прежнему зажатый с трех сторон, он разрастался на север. Южная его часть, самая старая, называлась в народе «панской». Тут располагались Атаманский дворец, памятник Екатерине Великой, несколько красивых особняков, казенные здания – Окружный суд, областное правление, почтово-телеграфная контора. На месте упраздненной крепости стояла войсковая больница. От нее шла на север главная улица – Красная, Невский проспект кубанской столицы. Справа и слева от нее тянулись длинные продольные улицы, горожане называли их боковыми. Самыми престижными из них были Бурсаковская и Рашпилевская. Поскольку городской треугольник от реки расширялся, на востоке добавлялись улицы Борзиковская и Котляревская, а на западе Посполитакинская, Медведовская и Гривенская. Эти восемь продольных улиц пересекали двадцать поперечных, создавая сетку кварталов. В восточной части бывшая казачья станица сделалась Дмитриевкой, выше нее

расположилась Покровка. Улочки на окраинах были застроены скромно, торговля шла незамысловатая, грязи по колено... Еще восточнее пролегла железная дорога, а за ее полотном широко раскинулась Дубинка, главная головная боль городской управы. За Дубинкой город переходил в Сады. Сто двадцать два фруктовых сада сплошной полосой тянулись на семь верст до казачьей станицы Пашковской, создавая летом отличные условия для жизни бездомных.

На западе город ограничивала Кубань. Там находились пристани и дровяные склады.

«Панская» часть незаметно переходила в деловые кварталы города. От Старого базара и до памятника двухсотлетию Кубанского войска по улице Красной тянулись шикарные двух- и трехэтажные дома. Внизу помещались магазины, наверху – конторы, гостиницы, съемные квартиры. Войсковой Александро-Невский собор называли Белым за цвет его стен. Он был окружен зданиями, которые украсили бы и столицы: особняк Богарсуковых, «Гранд-Отель», гостиница «Центральная», мужская и женская гимназии, реальное училище. Правда, немного в стороне от Красной все как-то мельчало, но и там, на Екатерининской, Штабной, Графской улицах попадались красивые особняки, населенные богачами. Нувориши выкупали родовые земли у наследников прежних казачьих атаманов: Рашпиля, Бурсака, Котляревского, Вареника, Косолапа. И задавали тон в областном городе.

Самыми богатыми людьми оставались черкесогаи – братья Тарасовы и братья Богарсуковы. Очень выдвинулись мукомолы, такие как Дицман. Две его огромные паровые мельницы работали с утра до ночи, перемалывая урожайное кубанское зерно. Видную роль играли табаководы, но к ним у общества имелись нарекания. Табак разводили преимущественно греки и турки, на плантациях и фабриках работало много женщин и девочек, и случались неприятные истории.

Промышленность Екатеринодара составляли множество кирпичных и кожевенных заводов, а еще маслобойные, шубные, консервные и мыловаренные. Местность вниз по Кубани, за конно-артиллерийской батареей, так и называлась – Кожевенные заводы. Там же обжигали кирпич, а еще его делали за тюрьмой, вверх по реке.

В последние два года в городе появились новые баловни судьбы – нефтепромышленники. Открытие Майкопских месторождений обещало городу скачок вверх. С буровых тянули сюда нефтепровод, за садом Шика строили

завод «Кубаноль», который должен был производить оборудование для нефтедобычи. Екатеринодар наводнили комиссионеры, среди которых было немало иностранцев. Цены на недвижимость взлетели до небес.

От Длинной улицы к северу начиналась третья часть города, самая новая и невзрачная. Нарядная Красная меняла название и становилась Ростовской. Несколько поперечных улиц были уставлены одноэтажными домами, лавками вместо шикарных магазинов и грязными постоялыми домами взамен гостиниц. Склады, мастерские, мельницы, небольшие заводы – одним словом, промышленная окраина. Заканчивалось все городским выгоном, который управа сдавала обывателям под выпас скотины. Дальше шли Хлебный рынок, ярмарочная площадь, лесные склады и скаковой круг. Еще севернее отвели место под вокзал будущей Черноморской железной дороги. За ним располагалась Чистяковская роща, второе после Городского сада излюбленное место гуляния местных.

Хлебный рынок был окружен длинными рядами ссыпок – балаганов и навесов, поставлявших зерно на мельницы или в вагоны железной дороги. Сюда от главного полотна проложили специальную ветку. Рынок с его огромными оборотами кормил множество людей. Дальше на запад располагалась бойня с ее антисанитарией. Севернее приютился городской ассенизационный обоз. Его сливной бак принимал нечистоты от частных по двадцать копеек за бочку. Канализации в Екатеринодаре не было, и выгребы приходилось чистить постоянно. Из бака по конно-железнодорожной дороге отбросы вывозили на поля, где их обезвреживали.

Слева от бойни помещались сразу шесть кладбищ: православное Всесвятское, военное, еврейское, татарское, караимское и холерное. Еще левее хозяйничали военные. Тут находились войсковые пороховые погреба, а за ними – казармы Самурского пехотного полка. На обрыве к Кубани стояла конно-артиллерийская батарея. Возле дороги на Ново-Мышастовскую опять виднелись казармы – здесь помещалась часть эскадронов Первого Екатеринодарского казачьего полка. Другая часть квартировала возле Городского сада.

В целом город производил противоречивое впечатление. Он словно распадался на несколько неравноценных частей. Конечно, так повсюду, но контраст между Дубинкой и кварталами вокруг Соборной площади был, пожалуй, чрезмерным. В городской думе заправляли лица торгово-промышленного сословия. Хозяева города все были из приезжих, многие здесь зарабатывали, но ничего не

вкладывали. Те же главные богачи, армяне, украшали свою столицу Нахичевань-на-Дону, им было наплевать на Екатеринодар. В последнее время это стало меняться, и город сделался более чистым и лощеным. Но опять же лишь в центре. По Красной улице ездил электрический трамвай, но принадлежал он, как везде в России, бельгийцам. Им тоже было наплевать на город, техническое оснащение линий оставляло желать лучшего, вагоны ходили как попало. Открытые площадки вагонов закрывали вечно грязные нелепые занавески из грошового ситца. Днем трамваи возили людей, а по ночам – грузы между пристанями на реке и железнодорожным вокзалом. Утром в перепачканные вагоны опять набивались пассажиры и бранились.

Казачи станицы Пашковской неожиданно решили составить бельгийскому капиталу конкуренцию. И основали «Первое Русское товарищество моторно-электрического трамвая Екатеринодар – Пашковская». Туда принимали всех желающих, собрали некоторую сумму и начали тянуть ветку через Дубинку и Сады на восток. Казачий трамвай приводился в действие автомобильными керосиновыми моторами, а не электричеством. К 1912 году пашковцы обещали связать себя с областной столицей и завалить рынки своими товарами.

Рынки оставались не только бойкими местами торговли, но и гнойниками Екатеринодара. Старый базар окружали духаны, пивные, обжорки и постоянные дворы с дешевыми проститутками. Там и торговали, и нанимали рабочих. Поэтому толпы соискателей с утра занимали места на площади. Их сопровождали нищebroды, босяки и воры. В 1905 году толкучий и рабочий рынки перевели на Сенной базар, и вся чернь устремилась туда. Взвыли теперь уже обитатели тамошних улиц: Ярмарочной, Кузнечной, Рашпилевской. Не лучше обстояло дело и на Новом базаре. Там мясной и рыбный ряды располагались на прилавках, поставленных вдоль жилых домов. Во дворах селились восточные люди, питались они в грязных подпольных духанах. Кровь, кишки, отходы торговцы без церемоний бросали на землю; вонь стояла невообразимая.

Соответственно, и народ вокруг жил непритязательный. Газетчики много лет стыдили Тимофеева, владельца аптеки на Сенном базаре. Тот разрисовал витрину дурацкими картинками. Изобразил большие склянки с лекарствами, на которых было написано: «от живота», «от немочи», «от заразы». Позорище вызывало негодование у образованных горожан, но обитателям Сенной такая реклама нравилась... Дума давно мечтала замостить рынок и построить на площади кирпичные торговые ряды. Но продавцы тормозили все начинания.

Рынки были на первом плане и у городской полиции. На Старом базаре торговли из-под полы разливали «соточки»[20 - «Соточка» – 1/100 ведра, или 122 миллилитра.] и давали на закуску тарань. На Новом кормили шашлыком из неклеименной баранины. На Сенном толкали краденые вещи и угнанных лошадей.

Окраины также давали пищу для протоколов. Между рабочими с кирпичных заводов постоянно происходили драки с поножовщиной. Хулиганы с Покровки собирались на Атаманской площади, где стояли древние каменные бабы, и точили об них финки. Иностранцы с левого берега на православные праздники напивались и бились друг с другом на кинжалах; особенно почему-то любили делать это на Пасху.

В это же время деловые круги обсуждали предполагаемый выкуп в казну Владикавказской железной дороги. Спорили о развитии телефонной сети: она была задумана на двести номеров, а их уже прицепили шестьсот, и связь постоянно от этого ломалась. Планировали ввести в городе уличное электрическое освещение, для чего управа купила триста двадцать дуговых фонарей. Когда началась нефтяная горячка, многие обогатились за счет перепродажи разведочных свидетельств, и деловики взяли в моду играть по-маленькой на лондонской бирже. Ждали постройки Черноморской железной дороги, пуска пашковского трамвая, открытия нефтепровода и перерабатывающих заводов, ввода «Кубаноля», роста урожайности пшеницы... Появились вагоны-рефрижераторы, и местные фрукты стали доезжать до столиц. Развивалось виноделие, улучшалось качество табака. Екатеринбург уверенно богател. Население его росло стремительно. За полвека численность жителей выросла в десять раз! И тут вдруг такой тревожный сигнал...

Глава 5

Начнем, благословясь!

Лыков сел в общей комнате сыскного отделения в девятом часу вечера и стал изучать материалы дознания. Кроме него присутствовали надзиратели Корж и Тимошенко, а чуть позже подошел городской Вольский. Остальные были на обходах.

Екатеринодарское сыскное отделение третьего разряда занимало небольшой одноэтажный дом с садом и дворовыми постройками. Четыре окна по фасаду, и семь комнаток внутри, не считая служебных квартир начальника и городских. В этих комнатах помещались и антропометрический кабинет, и картотека, и камера временного задержания. Самую большую занимала канцелярия. Задние комнаты выходили окнами в сад. Электричеством дом оснащен не был, горели керосиновые лампы, пахло табаком, оружейным маслом и чесночной колбасой. Убранство отделения выглядело непритязательно: давно не крашенные полы, стены с линялыми обоями, старая потрескавшаяся казенная мебель. Лишний раз статский советник убедился, как глупо ведет себя власть в вопросе уголовного сыска. Министр финансов Коковцов взял себе роль часового у денежного ящика и стоит на посту, никого не подпускает. Вот узкий ум! Когда-нибудь, когда уже будет поздно принимать меры, этот гусь спохватится. И найдет множество виновных, кроме, конечно же, себя...

Корж поставил самовар, и когда тот забулькал, в комнате стало уютнее. Зная, насколько жалкое содержание у сыщиков, Лыков принес с собой целую корзину гостинцев. Там были жестянки с дорогими фамильными сортами чая, мятные пряники, пастила, абрикосовый конфитюр. Хозяева накинулись на угощение, благодарили гостя и уписывали за обе щеки. Алексей Николаевич расспрашивал их о службе, об особенностях здешнего криминала. Корж отвечал дельно, выказывая самостоятельность в суждениях и серьезные знания. Тимошенко больше помалкивал.

Наконец ближе к десяти часам на улице раздался стук подков, потом слышались энергичные шаги, и в комнату вошел Пришельцев. Он был среднего роста, лет сорока, с черными волосами, седыми усами и прищуренным взглядом. Выражение лица было упрямое, лишь морщины на лбу выдавали, что этот человек сильно устал.

– Добрый вечер, Александр Петрович, – поднялся ему навстречу гость. – Я Лыков Алексей Николаевич.

Коллежский асессор пожал протянутую ему руку и сказал вместо приветствия:

– Семью Гиля зарезал Варивода.

Лыков застыл на секунду, но быстро подобрался.

– Выпейте чаю с дороги, и заодно расскажете. Семья Гиля – это та, что погибла на хуторе?

– Да, – выдохнул собеседник. Корж поднес ему стакан с горячим чаем и пододвинул блюдце с пряниками. Пришелец сделал разом три крупных глотка.

– Уф, как хорошо.

Все молча ждали продолжения.

– Значит, так. Убийства совершены в ночь на четырнадцатое марта. Жертвы – семья Конрада Гиля. Это немцы, которые жили на своем хуторе в восьми верстах от станицы. Особого достатка у них не было, но бандиты, надо полагать, решили: раз немцы, значит, есть чем поживиться. И ввалились.

Главный сыщик еще отпил чаю, проглотил, почти не жуя, целый пряник и вдруг изменился в лице:

– Сил на это смотреть нет никаких... Целый дом покойников. А дети!

Он порылся в кармане и вынул смятый листок.

– Столько народу порешили, что памяти не хватит. Сам Гиль и его жена были уже старики. У них три дочери: Елизавета тридцати девяти лет, бездетная вдова; Екатерина двадцати шести лет, жена Прокофия Кринвальда, и Макрида. Той всего шесть, еще ребенок. Екатерина с Прокофием имели четверых детей, и проживали они все вместе, Кринвальды с Гилями. Еще был работник, Яков Мельхер, шестнадцати лет. Итого одиннадцать человек.

Пришелец зажмурился, потряс головой и продолжил:

– Старика они застрелили из ружья. Остальных резали и душили. Детей казнили на глазах у матери по очереди – добивались, чтобы она выдала, где спрятаны деньги. А денег-то в доме и не было... Сыну Якову пять лет, дочке Христиании четыре, младшему сыну Адаму два, а последней девочке всего три дня от роду, она даже имя еще не успела получить. Вот...

– Всех убили? – спросил Лыков, ожидая услышать подтверждение. К его удивлению, кубанец ответил:

– Нет, уцелели двое: старуха, Региной звать, и ее старшая дочь Елизавета. Которая вдова.

– Вот как? Бандиты оставили свидетелей?

– Очень странно, но оставили. Женщины и сообщили, что к атаману подручные обращались «Варивода».

– А как же он их отпустил? И зачем?

– Черт поймет его черную душу... Всю ночь эти ироды измывались над хозяевами, шарили по хутору, пили водку. А под утро забрали ценное из имущества и ушли. А в доме две насмерть перепуганные бабы при девяти трупах. И озеро крови.

– Что вам известно про атамана? – торопливо спросил Лыков, чтобы быстрее отвлечь коллежского асессора от жутких воспоминаний.

– Тут сначала надо разобраться с его кличкой, – снова удивил питерца кубанец.

– Варивода вроде бы обычная для этих мест фамилия?

– Не совсем. На нашей балачке слово это означает «мучитель, истязатель».

– На балачке?

– Это, Алексей Николаевич, так называется здешний суржик. Местный говор.

– Понял. Кличка, видимо, не просто так дана. Он садист?

– Садист, изувер, помесь черта с дьяволом. Вот только ничего другого мы об этом выродке не знаем.

– Когда он впервые промелькнул? В шайке Полюндры?

Пришельцев покосился на Коржа. Тот кивнул на бумаги, что смотрел Лыков до прихода коллежского асессора:

– Там же все написано.

– Я видел, что написано. А все ли сказано? Обычно всегда за рамками протоколов что-то остается. Но мелочей в сыском деле не бывает, сами знаете. Давайте от печки, все с самого начала и как можно подробнее.

Тут как раз подошел еще один надзиратель, Жуковский. Рослый, статный, плечистый, он походил на Коржа, но притом был настоящий красавец с лицом избалованного женским вниманием савраса. Однако когда Жуковский заговорил, то обнаружил хорошую память и здравый смысл. Именно он вспомнил, что в преступном мире Екатеринодара бандит по кличке Варивода появился в 1903 году. Первоначально он квартировал в притонах вокруг Старого базара и занимался грабежами. Как ни странно, злыдень ни разу не попался полиции. У сыщиков не было ни его фотокарточки, ни результатов обмеров. Только самые общие приметы: рост не менее восьми вершков[21 - Примерно 180 см.], свирепая наружность, красные мосластые руки. Под эти приметы подойдет любой крючник с пристани...

Затем начались ужасы пятого года, и полиции стало не до мелких грабежей. Но однажды нашли труп у барачников для заразных больных, с веревкой на шее и вывернутыми карманами. Это оказался зажиточный мещанин, владелец свинопальни. А на другой день еще одно тело всплыло на озере Подкова, и тоже с признаками насильственной смерти. Сыщики всполошились. Агентура сообщила, что оба убийства – дело рук Вариводы. Начались облавы по всем притонам, по секретным квартирам[22 - Секретная квартира – подпольный публичный дом.] и темным постоялым дворам. Найти преступника сходу не удалось. А потом в уличной драке между новобранцами был убит жандармский унтер-офицер, и поиски мосластого отошли на второй план. Сам он исчез из города.

Через полтора года нелюдь опять напомнил о себе. На Дубинке, неустроенной окраине за вокзалом, вырезали целую семью из четырех человек. Полиция вошла в раж. Нажали на осведомов, и те указали исполнителя – налетчика Вариводу. Он

тогда проживал в Ивановке, в лачугах на берегу Кубани. Сыщики бросились туда и опять опоздали. Грабитель сильно разозлил власти, и его принялись искать всерьез. Однако опять не вышло. В городе начался террор, направленный на чинов полиции и администрации. За несколько месяцев 1907 года были застрелены правитель канцелярии Кубанской области, директор народных училищ, помощник полицмейстера и два пристава, один помощник пристава, пятеро городских и ночных сторожей. Екатеринодар охватила паника. Каждый боялся за свою жизнь, исполнение служебных обязанностей теперь было сопряжено со смертельным риском. И опять всем стало не до рядового убийца.

В третий раз Варивода показался из мрака уже есаулом в шайке беглого каторжника Полюндры. Поймать его вместе с остальными не смогли, он лег на дно, но ненадолго. Ограбление банка в Новороссийске и теперь еще массовитое убийство в юрте станицы Новолеушковской показали злодея с новой стороны. Он стал атаманом, и масштаб преступлений вырос. Убегать, как прежде, Варивода не собирался, а планировал взорвать Екатеринодар! Вскормили гадину. Не смогли изловить его вовремя и получили негодяя крупного калибра.

– Облавы проводили? – задал обязательный вопрос питерец.

– Да, но впустую. Эта клятая душа где-то ловко прячется. И вся его збирня[23 - Збирня – банда.] вместе с ним. Притоны мы давно обшарили, тут другое.

– Александр Петрович, опишите криминальную обстановку. Где у вас темные места, много ли рецидивистов, как с агентурой.

Пришельцев подошел к висевшему на стене плану города, взял в руки карандаш. План был раскрашен в разные цвета, показывающие, к какой полицейской части относится тот или иной квартал.

– Как видите, Екатеринодар лежит внутри большой петли, которую тут описывает Кубань. Весь он находится на правом берегу, на левом лишь «Аквариум», где мы взяли Кайтлесова. Река является естественной границей для роста города. Вниз по течению идут заводы, а вверх – сады. С севера запирают лесные склады, бойня и квартал казачьей бригады. И еще Чистяковская роща, загородное гуляние. Роль пригорода играет станица Пашковская, до которой сейчас тянут трамвай.

Жителей у нас сто тысяч. Управление полиции состоит из четырех частей, видите их по цвету. Особенностью Екатеринодара является его огромная территория. Он раскинут широко, при относительно небольшом населении. Много пустопорожней земли, много садов, где легко прятаться темному элементу, особенно в теплые месяцы. Строений тоже не счесть, из которых большинство деревянные и турлучные. То, что вы видите на главных улицах, только парадный фасад, а так действительность неказистая. Взять, к примеру, Дубинку. Улицы немощеные, водопровода и освещения нет, школ или амбулаторий тоже. В межсезонье грязь непролазная. Население дикое, полицию ненавидит. С пропиской там всегда большие проблемы. Вы спросили сейчас про темные места. Вот Дубинка – одно из них.

– Далее я бы поставил Покровку, – начальник отделения ткнул карандашом в верхний правый угол карты. – Это кварталы вокруг Покровской церкви. Много притонов, каждый постоянный двор, считай, не в ладах с законом. Конокрадов прячут с их добычей. Полно бесписьменных[24 - Бесписьменный – человек, живущий без прописки и без документов.], изрядно барыг. Что ни пивная, то тайный бордель. Воров привечают. Вечером тут лучше не ходить.

Затем идут Старый и Новый базары. Даже не знаю, какой из них хуже. Возле Старого раньше много лет была явочная квартира для беглых, которые уходили в Турцию. На явке они отсиживались, меняли документы, отдыхали. На всю уголовную Россию известное было место. Мои предшественники квартиру разорили. Теперь беглые прячутся кто где. Любая лавка, портерная или обжорка – с криминальным душком. Мы отбираем торговые патенты у самых зарвавшихся, но чище не становится. Да так при любом базаре, взять хоть тот же Сенной. Всюду жулье.

Идем дальше. Вот тут, где на берег выходит Базарная улица, раньше располагалась здешняя Хитровка. У нас она называлась Ивановка. Купец Иванов напротив своей пристани выстроил самохрапом[25 - Самохрапом – самовольно.] целый ряд хибар убогого вида. Из гнилых досок и мусора, крытых камышом. И сдавал их поденно, а вернее сказать, на ночь. Три-пять копеек драл и не стеснялся. Снимали эти номера обитатели соседних кабаков, спившиеся босяки и байгуши[26 - Байгуш – бродяга, бездомный.]. Некоторые, кто при деньгах, платили сразу за месяц вперед. Год назад по решению городской думы эту клоаку наконец-то снесли, но синюшный народ до сих пор льнет, так сказать, к этому месту.

– Но ведь серьезные уголовные, такие как Варивода, там селиться не станут? – решил уточнить Лыков.

– Серьезные не станут, – подтвердил главный сыщик. – Но начинающий грабитель Варивода там прятался, если помните. И потом, вы же спрашиваете вообще о темных норах. Вот я в порядке общей обстановки и...

– Понятно, продолжайте.

– Как прикажете. Следом за Ивановкой надо обратить внимание на кожевенные и кирпичные заводы вниз по течению Кубани, под казачьим лагерным местом. Часть рабочих с этих заводов пришлые, сезонные и квартируют вокруг. Живут как придется, чуть не в землянках, принимают к себе бесписьменных и ворье. Хулиганство очень развито, кулачные бои стенка на стенку. Чужих сразу раздевают, могут и ножом ткнуть.

Последнее звериное место находится вверх по реке. Вот огромный треугольник. Или как правильнее, трапеция? Между Дубинкой, остатками Карасунского канала и Старой Кубанью. Все засажено огородами и садами, которые тянутся на несколько верст. Летом листва на деревьях дает укрытие сброду. Поди его поймай... Но сейчас, в марте, там пусто. Если какой садовый домишко и занят, так его видно по дыму из трубы. Наряды от Четвертой части ходят и такие дома обыскивают, следят за пропиской. Но в принципе спрятаться можно, если сговоришься с хозяином. Так что... темный мир.

– А на севере, там, где лес Круглик? – показал на плане статский советник. – Неужели тихо? Окраины городов всегда криминальны.

– Да, север тоже можно приплюсовать, – не стал спорить коллежский ассессор. – Дыра что надо! Тут заправляют ассенизаторы, целая слобода занимается этим промыслом. Бойня опять же; при ней кормится несколько десятков междворков.

– Кого-кого?

– Междворков, бездомных по-нашему.

– А банды тут могут спрятаться?

– Запросто. Лесные склады те же взять: тянутся на версту, при каждом контора, сторожа, помещения для рабочих. Город в городе. Живут без прописки толпы народа, полиции заглянуть в их душу крайне затруднительно. Хлебные ссыпки и того хуже, там в урожай тыщи нанимают, пойді их проверь.

– Среди горцев преступность сильно развита?

– Имеет место, – кивнул коллежский асессор. – В Кубанской области кого только нет. Черкесы, кабардинцы, карачаевцы, горские татары, абхазы, абазины, шапсуги, ногойцы... Их традиционный промысел – конокрадство. Но могут и прирезать на большой дороге. Если у них перевес и никто не видит.

– А сколько происходит убийств? Много?

– В прошлом году было двадцать пять. По мне, так много.

Лыков вздохнул:

– Короче говоря, у вас как везде: только отвернись...

– С чего это у нас должно быть иначе? – ухмыльнулся Жуковский. – Где люди, там и грязь.

– Тогда скажите, почему вы до сих пор не изловили эту сволочь? Рядовой нелюдь, не семи пядей во лбу. И все еще на свободе, людей душит.

Пришелецев встал, застегнул пиджак:

– Поймаем, ваше высококородие! Вот-вот!

– Зачем же сразу обижаться, Александр Петрович? Я приехал не выговор вам делать, а помочь. Как-никак служу в сыскной полиции тридцать третий год. Подольше вас?

– Ну, подольше.

– Намного?

– Хм...

Лыков тоже встал, подошел к начальнику сыскного отделения:

– Вы поступили в Тамбовское полицейское управление служителем в тысяча восемьсот девяносто втором году. Не окончив Нижегородскую гимназию, из которой выбыли в пятом классе.

– Так точно.

– Я в это время был надворным советником в звании камер-юнкера, заведовал Особенной частью Департамента полиции. Ну?

– Виноват, Алексей Николаич, сорвался. Только и слышу от полицмейстера: то не так и это не эдак. Разорвешься пополам – спрашивают, а почему не на четверо. Прошу извинить.

Сыщики сели, Корж долил в самовар воды и набросал в топку щепок. Разговор вернулся в рабочее русло.

– А что у вас с полицмейстером?

Пришелец еще более насупился:

– У нас отношения рогатые. Он...

Коллежский асессор покосился на Вольского. Городовой молча встал и вышел в дежурную комнату к телефону. Остались лишь классные чины.

– Захаров самодовольный индюк. И Бабыч это знает. Впрочем, теперь это ни для кого не тайна.

– В результате общая полиция вам не помогает, так?

– Нет, с участками отношения нормальные. Мы же сами все вышли из наружной полиции. Но им сейчас не до нас.

– Почему это? Если нужен толчок, скажите. Я так их толкну, что до Ахтарей долетят... начиная с Захарова.

Начальник отделения замахал руками:

– Нет, что вы! Толчок не нужен, только испортите отношения. Вы уедете, а нам служить вместе. Просто штаты екатеринодарской полиции совсем уж слабые. Околоточных надзирателей так и вовсе нет.

– Как нет? Куда они делись?

– Нет и никогда не было. А околоточные ведь главная опора пристава. Есть и другие причины. В феврале городская дума прекратила выдачу добавочного вознаграждения на содержание городской полиции. Люди остались на скудном жалованье. Уже тридцать человек городских подали рапорты на увольнение. Пока добавочные деньги не вернут, так и будет продолжаться. Как их просить о помощи, когда такое дело?

Лыков опешил. Кубанская область – первая в империи по бандитизму. До сих пор в степи носятся кровавые шайки, вырезают целые семьи. А городская дума именно в это время решила сэкономить на полиции. Что за глупость?

– М-да. Но вернемся к Вариводе. Обратите внимание, как быстро он набирает сообщников. Вы изловили почти всех, кто грабил вместе с ним банк в Новороссийске. А у него уже новая команда. Сколько их было на хуторе Гиля?

– Восемь, считая атамана.

– Меньше чем за месяц разжился новыми волками.

– Он теперь при деньгах, – подал голос Корж. – После банка остались, нанимай не хочу.

– Да, но как может в таком городе, как Екатеринодар, много лет прятаться бандит такого калибра? Сто тысяч населения, все на виду. Или почти все.

– Мы уже думали, – вздохнул Пришельцев. – Думали-думали, аж голову сломали. И решили, что объяснение только одно.

Алексей Николаевич наострил уши:

– Ну-ка?

– Кто-то его укрывает. Не в задних комнатах ренского погреба он живет сам-восьмой, и не на постоялом дворе, где хозяин – скупщик краденого. Будь так, мы его давно бы изловили. Есть у Вариводы настоящее лежбище, хорошо спрятанное, куда полиции ходу нет. Он оттуда выскакивает, грабит-режет, и опять назад.

Питерец обдумал услышанное, потом стал задавать уточняющие вопросы:

– Что это может быть за берлога?

– Обычно жулики, провернув дело в Екатеринодаре, бегут из него в одно из трех мест: или Армавир, или хутор Романовский, или станция Тихорецкая. Все три – огромные притоны. Но... концы большие. Если же Варивода прячется здесь, то...

Начальник отделения стал загибать пальцы:

– Или хутор близко за выгоном, или в самом городе особняк, на который никто не подумает, что там живет кодла головорезов.

– Я несколько раз ловил такие банды в рабочих казармах, – вспомнил Лыков. – В Киеве на кирпичном заводе при Лавре целая шайка убийц скрывалась. Управляющий заводом был их главарь, паспорта содержались в порядке. Другой раз в Семипалатинске на винокуренном заводе. А в Петербурге, в самой столице, команда бывших пленных японской войны пряталась при Чесменской военной богадельне.

Александр Петрович оживился:

– Вот это хорошая подсказка!

Он повернулся к своим:

– Ребята! Все думаем в этом направлении и составляем список подходящих мест.

– Войсковая больница, – сразу предложил Тимошенко. – Там при ней целый поселок. Врачи живут с ординарцами, и прислуга, и жильцов они принимают без прописки. На входе стоит часовой с ружьем, полицию он не пропустит, а кому надо, тем свободный вход и выход.

– Молодец, Иван Иванович, – одобрил начальник. – Мы там ни разу облаву не делали, нам туда ходу нет. Но я поговорю с наказным атаманом, получу разрешение, и мы внезапно нагрянем. Еще что?

Другие надзиратели тоже стали размышлять вслух. Жуковский подал самую неожиданную идею. Он предложил негласно осмотреть жилые комнаты чинов областного правления. Огромный корпус на Штабной улице был чуть не самым большим административным зданием во всем Кавказском наместничестве. Во дворе его стоял двухэтажный дом с квартирами писарей. В нем можно было разместить пехотную роту. До сыщиков доходили сведения, что обслуга баловалась нехорошими делишками: торговала по ночам водкой, сдавала площади под тайный игорный дом. Где один грех, там и другой. Разумеется, полиция не смела делать там обходы и проверять прописку. Если Варивода поселился на Штабной, его не найдут до второго пришествия.

В результате насчитали шесть новых мест, которые следовало, как говорят военные, осветить разъездами. На этом совещание закончилось, и началась неформальная часть знакомства. Пришельцев обратился к Коржу:

– Степа, неси Секлетею Ивановну.

Тот мигом выставил бутылку водки. Лыков не остался в долгу и извлек из корзины бутылку горькой шустовской настойки «Дикая черешня». Сыскные зашумели: вот это дело, зараз видать столичную подготовку! Им нравилось, что

чиновник в пятом классе, с Высочайшим повелением в кармане, сидит с ними как с ровней. Не чванится, не раздает руководящие указания, а готов советоваться. А гость смотрел на них из угла, подмечал, и люди Пришельцева нравились ему все больше и больше.

Лыков ушел к себе в гостиницу во втором часу ночи твердой походкой крепкого на выпивку человека. Корж вызвался его проводить, но питерец отказался. Ему хотелось наконец побыть одному. День выдался хлопотный, много разговоров с незнакомыми людьми забили голову. Итак, статский советник прибыл на место. Его дознание началось. Противник необъяснимо ловок, ни разу не пойман, и тут была загадка. Что ж, для этого Лыкова сюда и послали, чтобы ее разгадать. Начнем, благословясь.

Глава 6

Дознание всегда начинается с полного тумана

Утром Пришельцев забрал питерца из гостиницы, и они на извозчике отправились в тюрьму. Лыков решил начать дознание с допроса Цука Кайтлесова. По дороге он расспросил начальника отделения о важных деталях.

Александр Петрович поведал, что у атамана откуда-то были деньги и до налета на банк. Пусть небольшие, но были. Он нанял туземцев по дешевке, причем поставил условие: те должны иметь свое оружие. Этого добра на Кавказе всегда имелось с избытком. Грузины, армяне и черкесы явились обвешанные с головы до ног револьверами и кинжалами. Но Варивода хотел идти на дело с карабинами – так легче отступить по улице в горы. Карабинов у ребятишек не было, и атаман их откуда-то достал! Четырнадцать штук, прямо в заводской смазке.

– Удалось захватить их при арестах? – вцепился в новость статский советник.

– Да, десять стволов взяли.

– По номерам смотрели?

– Конечно. Но они спилены, происхождение оружия мы выяснить не смогли. Кавалерийские трехлинейные карабины, выпущены на Тульском заводе.

– Из тюрьмы поедem туда, где они хранятся, я хочу осмотреть магазинки.

– Поедем, – охотно согласился коллежский асессор. – Я их поместил в полицейский арсенал.

– Пробовали искать, откуда пропало столько стволов?

– Дали запрос по всему наместничеству. Никто из военных не признался.

– А конная стража, лесные объездчики, пограничники, конвойные команды?

– У конвойных пехотные винтовки. Прочие все открестились. Я, Алексей Николаич, службу знаю. Поднял каждый камень.

– Не обижайтесь, Александр Петрович. Я еще раз все проверю, придется потерпеть мои методы.

– Как угодно, – надулся Пришелецев. – Ничего не отыщете, но попробуйте, попробуйте.

Гость не обратил внимания на обиды хозяина и продолжил расспросы. Тюрьма находилась на окраине Дубинки, со всех сторон она была окружена кирпичными заводами. Пролетка едва тащилась по плохо замощенной Кубанской набережной. Вдруг булыжник кончился. Александр Петрович пояснил, что здесь располагаются огороды, которые купец Роккель арендует у городской управы. Он вымостил дорогу до огородов, а дальше не стал... Предмestье действительно выглядело удручающе. Всюду весенняя грязь, лачуги-развалюхи и какие-то оборванцы вместо прохожих. Как мало это походило на красоты центральных улиц.

Цук Кайтлесов оказался молодым, стройным, как большинство черкесов, но с мешками под глазами и желтым лицом сильно напуганного человека. Тут еще бельмо... Увидев Лыкова, он сразу напрягся.

– Вот, приехал из самого Петербурга статский советник Лыков, – объяснил ему кубанец. – По Высочайшему повелению! Понял? Сам царь его прислал, чтобы спасти город Екатеринодар от беды. Царь знает о тебе, о том, что ты дал сведения. Это добрая новость. Теперь тебя точно не повесят, раз Его Величество осведомлен о твоей помощи дознанию.

Кайтлесов стал меняться на глазах. В него словно вдохнули живительную силу.

– Аллах услышал мои молитвы! Я очень благодарен царю, так и знайте. Я все сделаю, чтобы доказать свою преданность.

– Очень хорошо, – одобрил слова арестанта Лыков. – Доказательства и впрямь понадобятся. Если ты нас не обманываешь, я так и доложу государю. Послабление в приговоре тогда, считай, у тебя в кармане. Но ежели окажется, что ты что-то утаил или сказал неправду, тогда твое дело плохо. Видишь, судьба Кайтлесова теперь будет решаться не здесь. А в Петербурге. Она зависит от того, что я сообщу в столице.

– Клянусь творцом мира и господином Судного дня! Я готов!

Черкес ел Лыкова глазами, сразу сообразив, что его жизнь отныне в руках этого человека.

– Итак, начнем по порядку, с самого начала. Тех прежних допросов, считай, как будто не было. Открыто новое дознание, по воле царя. Поручено оно мне. Я чиновник особых поручений при министре внутренних дел, причисленный к Департаменту полиции. Обращаться ко мне надо «ваше высокородие».

– Слушаюсь!

– Где и при каких обстоятельствах ты познакомился с атаманом по кличке Варивода?

– Под ваш праздник. Как оно? Рождение вашего бога, вот. В «Шато-де-Флер» – правильно сказал? Я очень хорошо говорю по-русски, лучше всех в ауле. Сам аульный старшина со мной советуется!

– Хорошо говоришь, продолжай. Кто вас свел?

– Мой кунак Альшаксит Бирджиев. Он хаджирет[27 - Хаджирет – так на Западном Кавказе называли абреков.].

Пришелец, не дожидаясь вопросов, пояснил питерцу:

– «Шато-де-Флер» – увеселительное место наподобие «Аквариума». А хаджирета Бирджиева мы третий год не можем поймать. Он прячется в горах, сюда приходит редко.

– Откуда атаман достал карабины? – вдруг рявкнул статский советник. – Из которых вы стреляли в Новороссийске.

– Такие у казаков, ищите там, – ответил черкес, вжав голову в плечи. – Я нарочно целил мимо и никого не убил, клянусь Аллахом.

– Каждый арестованный говорит, что наводил в сторону. А на итог двое убитых и пятеро раненых. Кто же их тогда подстрелил?

– Атаман! Он очень злой, правда. Мы его боялись, хотя нас, нерусских, было много, а он один. Варивода... как шайтан.

– Расскажи, что именно он готовит в городе? Что за угроза? Поджог или взрыв динамита?

– Атаман хотел сделать пожар. Как тогда, на нефтедобыче.

– Давай очень подробно: что случилось на нефтедобыче, и где именно.

Кайтлесов задумался:

– Э-э... У станицы Ширванской, где именно, не знаю. Перед моим арестом, точный день не помню. Варивода приказал ехать с ним, был и третий, звать Рыжий. Хотя он вовсе не рыжий, светлые волосы у него. Рыжий вез трубу какую-то, приделанную к куску железа. И мешок с седельным чемоданом. Чемодан немного пах нефтью. Но у меня чутье, как у зверя, вот и унюхал. Точно говорю:

пахло нефтью, да.

Лыков спросил о другом:

– Что значит: труба, приделанная к железу?

Черкес смешался:

– Как объяснить? Ну, труба, длинная. Мне по пояс будет, если поставить ее на землю. Толщиной с мою руку. Соединена, есть такое слово? Соединена с опорой... Опора большая, круглая, четыре пальца высотой. Видать, тяжелая. Еще сошки под трубой, как у горского ружья. Вот...

Лыков с Пришельцевым обменялись взглядами и одновременно пожали плечами. По описанию туземца понять, что это за конструкция, было невозможно.

– Нарисуй, – потребовал статский советник.

Кайтлесов взял карандаш и неумело накарябал странную схему. Круг, из него торчит вверх палка и опирается на двуногу.

– Из черного железа, не клепаная, а такая... целиком. Будто ствол к маленькой пушке.

– Ладно. Дальше что было?

– Когда мы подъехали, было еще светло. Ширванская стоит в низине, вокруг лес. А в юрте, где работали нефть, деревья все вырубили. Близко не подобраться – караульщики заметят. Помню, вышка была на холме, качалка моталась туда-сюда... Караульщики, двое лезгин, хотели нас отогнать. При кинжалах и ружьях, сердитые. Мы спрятались в овраге, они и отстали.

– Сколько было до вышки?

– Далеко. Половина версты, да. Я остался с коляской, кучер тоже...

– Стой. Что за кучер? – перебил арестованного Лыков.

– Который нас вез. Он не городской извозчик был, а сам по себе... не знаю, как сказать.

– Вольный? На собственном экипаже?

Горец задумался:

– Как поймешь? Они с Вариводой хорошо знакомы, да. Шутили, атаман его водкой угощал. Звать Иваном, большой, в синем архалуке. Думаю... думаю, что он при каком-то богатом человеке состоит, возит его.

– То есть он кучер выезда некоего богача? А не сам по себе? Почему ты так решил?

– Не могу сказать. Но мне показалось именно так. Коляска богатая, упряжь с серебряными украшениями... Такие только у денежных людей бывают.

– Продолжай. Ты долго оставался с кучером?

– Нет. Варивода с Рыжим ушли вперед, к вышке. Трубу и чемодан с мешком взяли с собой... Варивода надел его на плечи.

– Стой, стой. Как можно мешок надеть на плечи?

– Там лямки были.

– Лямки? Значит, не мешок, а ранец?

– Ну, сидор, так они говорили.

– Солдатский вещевой мешок?

– Ага! – обрадовался Кайтлесов. – Какие у солдат, да.

– Чудеса... Труба с железкой, сидор и седельный чемодан, который пахнет нефтью. Но продолжай.

– Я хотел закурить, пока они возились, но атаман меня обругал и спички отобрал. Сказал: дурак, мы все сгорим! Они, значит, ушли, но скоро вернулись. Варивода велел мне разведать. Крадучись... так говорят?.. крадучись дойти до вышки, поглядеть, что там. Это каждый горец умеет, я и пошел... Там темно было, но я в темноте будто кошка вижу, атаман потому меня и взял. Опять же вышка на бугре, разглядеть можно. Добрался я, как велели, почти до места, гляжу: там два человека нефть качают. Темно уже, ничего не разобрать, а они все работают. Посмотрел я на это дело и двинул обратно. Вдруг – ба-бах! Будто из пушки выстрелили. Правда, я никогда не слышал, как пушка бьет, но на выстрел из ружья не похоже. Громче и... не знаю, как сказать.

– Басовитее? – предположил Алексей Николаевич.

– Извините, этого слова не понимаю. Хотя я очень хорошо по-русски говорю. Гулко, да? Вот. Гулко бабахнуло. И что-то над головой пролетело туда, к вышке. Со свистом! Потом второй и третий раз. Я понять ничего не успел, бросился на землю. Ведь на аршин выше головы шло. Боязно. Слышу – за спиной крики, качалка горит, эти двое вокруг бегают, а у одного из них спина тоже в огне, а второй его хлопает, пытается пламя сбить. Да куда там! Сам загорелся! Светло тут стало, все как днем видать. Гляжу – караульные к качалке бегут. Я обратно к своим. Варивода с Рыжим уже в коляске, смеются, довольные очень. Взяли меня и помчали обратно в город.

– А труба с ранцем?

– В ногах лежала.

Лыков с Пришельцевым снова пожали плечами. Рассказ был туманным и ничего не объяснял.

– Александр Петрович, вы наводили справки об этом пожаре?

– Точно так. Подходит только один случай. И как раз за два дня до ареста Кайтлесова. В юрте станицы Ширванской непонятно от чего ночью загорелась скважина на участке номер три товарищества «Лианозов с семьей». Погибли два

человека.

– Все как описывал наш собеседник.

– Да. Но что за снаряды? Цук, точно они их не рукой бросили?

– Э, ваше высокоблагородие! Нет такой руки, чтобы бросать огонь на сто сажень!

– Так что же это было?

– Я не знаю. Но потом мы пили водку в трактире «Биржа». Это на Сенной. Варивода дал мне сто рублей и хорошо угостил. Вот. И Рыжий ему сказал: ловко получилось, как тогда в девятом.

– В девятом? – хором спросили сыщики.

– Ага. Наверное, они имели в виду девятый год.

Лыков повернулся к кубанцу:

– У вас был тогда большой пожар на нефтяных промыслах?

– Был, Алексей Николаевич. Но я впервые слышу об этом от арестованного. Цук, костогрыз гололобый[28 - Костогрыз, гололобый – оскорбительные прозвища, которые казаки давали горцам.], ты почему мне раньше об этом не рассказывал?

– Забыл, ваше высокоблагородие. А вот теперь вспомнил.

– Ну-ка сыпь, о чем еще умолчал?

– Да уж все сообщил, больше нечего. Только осталось, что атаман Рыжему ответил.

– И что?

– Он сказал: да, сильная штука кубанский огонь.

– Кубанский огонь... – повторил Лыков, подсаживаясь ближе к арестанту. – Что Варивода имел в виду?

Горец лишь развел руками:

– Я не знаю. Больше разговора об том не было, они позвали баб. А через два дня господин Пришелецев меня арестовал.

Сыщики вышли из ворот тюрьмы в задумчивости.

– На что это похоже? – первым спросил Алексей Николаевич.

– У нас была банда «факельщиков», – вспомнил кубанец. – Девять человек убили, прежде чем мы их поймали. Вот на них похоже.

– Но сходство лишь в факелах, – возразил статский советник. – А тут нефтяная качалка загорелась не от них. Лезгины не подпустили бы Рыжего на расстояние броска. Огонь прилетел со ста саженой. Даже не огонь, в небе было темно. Прилетела зажигательная бомба и воспламенила все вокруг. Как это возможно?

– Никак, – заявил коллежский ассессор. – Туземец все это придумал, чтобы придать себе важности.

– И про трубу с ранцем и чемоданом?

– Конечно. Бессмыслица. Такого не существует.

Но командированный не был в этом так уверен:

– «Кубанский огонь». В старину был «греческий огонь». Мы учили в гимназии, я помню. Греки придумали какой-то горючий состав, которым они поджигали корабли противника. А запускали смесь в глиняных горшках с помощью пращей и катапульт. Есть сходство.

– Думаете, у Рыжего была праща? И он метнул свою зажигательную бомбу так далеко?

– На сто сажений и пращой не добросишь, тут черкес явно приврал. Но на двадцать-тридцать – вполне.

– А что за смесь?

Алексей Николаевич напомнил собеседнику:

– От чемодана пахло чем? Нефтью. Смесь, стало быть, на ее основе. Есть разные загустители, можно сделать состав мазутообразным.

– А потом положить снаряд в петлю пращи и метнуть? Он упадет на землю и сам по себе не загорится. С чего этому мазутообразному составу гореть? Ерунда.

– Ерунда, – не стал спорить Лыков. – Цук Кайтлесов просто нам наврал. Это единственное правдоподобное объяснение.

– Я, когда впервые услышал от него этот рассказ, провел дознание, – начал припоминать кубанец. – Поехал туда, разыскал пожарище. Лезгин опросил. Скважины нет-нет да горят. Потому что рабочие правил не соблюдают: то кто-то закурить решит, то костер в стороне разжечь... Лезгины сказали, что те двое, что погибли в огне, были персы. Глупые, неопытные – они вполне могли запалить сами себя.

– А коляску с тремя седоками лезгины видели?

– Коляску да. Они прогнали пришлых и успокоились. А потом стемнело – и вдруг пожар.

– А труба была в коляске?

– Об этом я не спросил, – смутился начальник отделения.

– Ладно, теперь тех лезгин уже не найдешь. А вот что у вас случилось в тысяча девятьсот девятом году? Еще один пожар на нефтеприисках?

– Не пожар, а катастрофа, – подхватил Пришельцев. – Но именно с того случая и началось то, что одни именуют майкопским чудом, а другие – нефтяной горячкой.

– Расскажите, – потребовал Лыков. Но его спутник покачал головой.

– Я могу пересказать лишь слухи. Лучше пусть это сделает тот, кто непосредственно тушил катастрофическое пламя. Областной горный инженер Юшкин.

– Он на месте?

– Выясним и организуем вам встречу. А сейчас давайте посмотрим карабины – помните?

– Да, – спохватился Лыков. – Едем в арсенал.

В оружейной комнате питерцу вручили магазинку, и он стал ее внимательно осматривать. Уже через минуту сыщик хмыкнул:

– Ого!

– Что «ого»? – придвинулся Александр Петрович.

– А вы взгляните вот сюда. Видите, как крепятся к ложу кольца для ремня?

Коллежский ассессор поглядел недолго и ответил:

– Я не военный и не охотник. Поясните.

– Это трехлинейный кавалерийский карабин образца тысяча девятьсот девяносто первого года. Разработан Мосиным при участии Нагана. Состоит на вооружении казаков и драгун. В обычной сборке ложевые кольца крепятся к ложу при помощи защелки. А здесь они поставлены на винты.

– Ну и что?

– Так, на винтах, кольца крепятся у винтовки, у карабина полагаются защелки, – терпеливо пояснил коллеге питерец. – Это в обход правил. Кто-то переделал оружие. Скорее всего, не на Тульском заводе, там бы не позволили. Переделали в полковой мастерской. Возможно, здесь, в Екатеринодаре. Тогда мы сумеем найти того умельца.

– Едемте к Михаилу Павловичу, он как наказный атаман прикажет казакам помочь дознанию.

Сыщики отправились в Атаманский дворец. Но когда они добрались туда, узнали, что Пришельцева давно разыскивают. Оказалось, что на Сенном базаре, на плановом месте Емельяна Рыся, возле маслобойного завода Матвееенко под стогами сена обнаружен труп. Его уже опознали – вахмистр Первого Екатеринодарского казачьего полка Потап Орда. Смерть наступила от удушения.

Пришельцев помчался на Сенную, а Лыков потребовал встречи с начальником области. Бабыч принял его немедленно, даже совещание прервал. Питерец рассказал о своем открытии с карабинами разбойников и попросил содействия. В городе всего один конный полк, надо начать с проверки его арсеналов.

Генерал тут же стал телефонировать командиру полка, но ничего не добился. Телефонная связь в Екатеринодаре была притчей во языцех. Она то и дело прерывалась, или едва-едва можно было расслышать голос собеседника. Кончилось тем, что атаман послал Лыкова на место в сопровождении своего обер-офицера для поручений есаула Белого.

Арсенал Первого Екатеринодарского кошевого атамана Чепеги полка находился на краю города, за казармами конно-артиллерийской батареи. Сыщика встретил сам командир, полковник Ягодкин. Оказалось, что атаман дозвонился-таки до него и дал нужные указания.

Ягодкин был взвинчен и принял питерца холодно:

– Что за день такой... Вахмистра команды разведчиков задавили, а теперь еще вы. Завтра нельзя поговорить?

Статский советник молча вынул открытый лист и показал офицеру. Тот увидел слова «по Высочайшему повелению» и смутился:

– Прошу прощения, я не знал, что так серьезно.

– Вы полагали, что чиновник особых поручений при министре внутренних дел в пятом классе приехал в город ловить карманников? Дело наиважнейшее, раз сам государь послал меня сюда.

– Все, что зависит от меня, будет сделано!

– Отлично.

Лыков вынул из папки второй листок. Это был ответ на запрос сыскного отделения, не пропадали ли в полку карабины. Алексей Николаевич заехал за ним на Посполитакинскую по пути в казармы.

– Вот письмо, за подписью вашей и полкового адъютанта. Помните его?

– Ах, эта писанина... Сто отношений в день приходится визировать. Хоть факсимиле заводи.

– Посмотрите внимательно.

– Это помню, – протянул назад бумагу Ягодкин. – А что? У нас все оружие на месте. В полку под моей командой порядок, если желаете знать. А тут – четырнадцать карабинов. Ищите в другом месте!

– Прошу предъявить мне оружейные комнаты и арсенал.

– Хм... Сию минуту, господин статский советник. Я вызову дежурного и оружейного мастера. Они все покажут.

Вскоре сыщик уже осматривал пирамиды в казармах. Обошел все шесть сотен, учебную и разведывательную команды – везде оружие было на месте. Наконец он сказал мастеру:

– Карабины, что использовали разбойники, были необычными. У них ложевые кольца поставлены на винты.

Тот переменялся в лице:

– На винты? Вместо защелок?

– Да. Что-то знакомое?

Оружейник молча повернулся к сыщику спиной и побежал в дальний угол двора. Там под охраной часового притулился большой турлучный сарай.

Дежурный по полку приказал начальнику караула пропустить туда статского.

– У нас здесь ружья и огнеприпасы для запасных эскадронов на случай мобилизации, – пояснил он питерцу. – Сюда никто и не лазит. Так, раз в год пересчитываем.

Лыков уже догадался, что он сейчас увидит. И не ошибся. Внутри оружейник держался за голову и матерился. Во взводной пирамиде не хватало четырнадцати карабинов. Алексей Николаевич взял один из оставшихся и осмотрел. Кольца к ремню у него тоже были поставлены на винты.

– Кто и когда последний раз сюда заходил? – спросил сыщик у дежурного. Тот лишь развел руками.

Через полчаса в кабинете Ягодкина Лыков получил ответ на свой вопрос. Полковой адъютант Кобзистый, тот, что сочинил ответ в сыскную полицию, сообщил:

– Та взводная пирамида пополнилась из команды разведчиков. Их начальник сотник Таранец попросил переставить ремни на кольца, ему так казалось удобнее. Переставили, а Таранец уехал к вам в Петербург, в офицерскую кавалерийскую школу. Ну, карабины и убрали в неприкосновенный запас до его возвращения. А взамен команде выдали со склада обычные.

– Я вижу на письме вашу подпись. О том, что в полку ничего не пропало. Вы как его готовили?

Кобзистый покраснел:

– Я... я дал отписку, признаюсь. Осмотрел пирамиды сотен, там все на месте. Про неприкосновенный запас не подумал.

– И сунули на визу командиру.

– Так точно.

– И полковник подписал не глядя...

Теперь пришел черед полковника Ягодкина краснеть.

– Но кто украл карабины? – вскричал он. – Там же часовой стоит.

– Сколько я помню, менял оружие вахмистр команды разведчиков, – ответил Кобзистый.

– Потап Орда?

– Так точно. Вот запись в журнале.

Лыков встал, застегнул пиджак.

– Ну, теперь у него не спросишь. Из ваших карабинов, господа офицеры, в Новороссийске убили городского и управляющего банком. И пять человек ранили.

И добавил безжалостно:

– Вам известно, как к кражам оружия относятся кавказский наместник и военный министр. Я даю делу законный ход. Честь имею!

Глава 7

Обрубленные концы

На Посполитакинской состоялось совещание. Когда местные узнали, что именно убитый вахмистр продал карабины Вариводе, версия выстроилась сразу. Атаман заметал следы. Вот только как он догадался, что полиция вот-вот выйдет на Орду? Скорее всего, оберегался на всякий случай. В итоге конец обрублен, след потерян...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

КОЖУ – Кубанское областное жандармское управление. (Здесь и далее примеч. авт.).

2

Архалук – иначе: бешмет.

3

Юрт – низшее административно-территориальное образование на казачьих землях.

4

ОКЖ – Отдельный корпус жандармов.

5

См. книгу «Одесский листок» сообщает».

6

Линейный берег – правый берег реки Кубань.

7

Отдел в Кубанской области являлся аналогом уезда.

8

Кубанскому казачьему войску был присвоен малиновый цвет (лампасы, башлыки, выпушка, погоны, донце папахи и т. п.).

9

На кифаре (древнегреческая разновидность лиры).

10

Официальное название солдатских георгиевских крестов.

11

Вторая Восточная война – Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

12

Ширинкин Е. Н., генерал-лейтенант – тогда бывший помощник наместника по полицейской части.

13

Халаш-балаш – пустыки.

14

Указывать ногой – требовать беспрекословного повиновения.

15

Успевать везде.

16

Шахрай – жулик, мошенник.

17

Лыков, будучи в чине пятого класса, получил прогоны за 6 лошадей по 2,5 копейки с версты и лошади. В итоге его прогонные составили 15 копеек с версты. За расстояние до Екатеринодара (2180 верст) ему полагалось 327 рублей в один конец, или 654 рубля в оба конца. При командировках по Высочайшему повелению прогоны удваивались, стало быть Лыкову выдали 1308 рублей. Притом что он отдал за билеты в поезде в первом классе в оба конца 70 рублей.

18

Война 1787-1791 гг.

19

Турлучные дома имеют деревянный каркас, обмазанный глиной с добавлением соломы, камыша и навоза.

20

«Соточка» – 1/100 ведра, или 122 миллилитра.

21

Примерно 180 см.

22

Секретная квартира – подпольный публичный дом.

23

Збирня – банда.

24

Бесписьменный – человек, живущий без прописки и без документов.

25

Самохрапом – самовольно.

26

Байгуш – бродяга, бездомный.

27

Хаджирет – так на Западном Кавказе называли абреков.

28

Костогрыз, гололобый – оскорбительные прозвища, которые казаки давали горцам.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nikolay-svechin/kubanskiy-ogon>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)